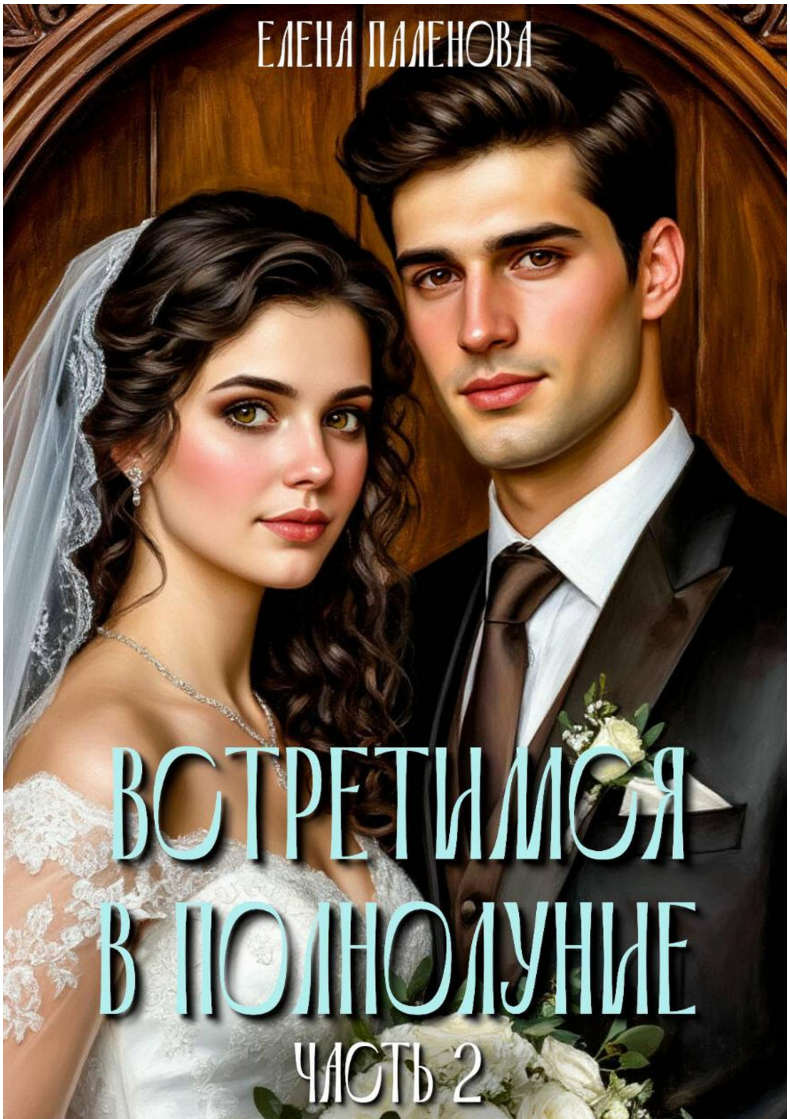

ЕЛЕНА ПАЛЕНОВА
ВСТРЕТИМСЯ В ПОЛНОЛУНИЕ
ЧАСТЬ 2

Елена Паленова

Встретимся в полнолуние. Часть 2

https://litres.ru/74744034
SelfPub; 2026

Аннотация

Я хотела всего лишь спасти сестру, но этот жест доброй воли в итоге обернулся новыми бедами и испытаниями - для меня, для неё, для Сергея Воронцова, для всей семьи Бельских и не только для нас. Тьма сильна. Свет беспощаден. Кто победит в этой борьбе, и будет ли сладка победа на вкус - покажет время, но я при любом соотношении сил буду сражаться за тех, кто мне дорог, и не отступлю.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	42
Глава 5	53
Глава 6	68
Глава 7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Елена Паленова
Встретимся в полнолуние. Часть 2

Глава 1

— Хватает наглости ставить мне условия?!

В голосе моего нового знакомого звучало искреннее удивление — наверное, до этого момента никто и никогда условий ангелам не ставил. Но я очень хорошо всё обдумала. Мне ведь по большому счёту без разницы, останется прожорливый демон в нашей реальности или уберётся в другую. Я не связана долгом и ответственностью, не имею предназначения, не обязана заботиться о человечестве и так далее. Всё, что для меня имеет значение — это моя семья. Я, безусловно, могу занять Алискино тело, но ведь могу продолжить своё существование и без него или обрести собственную плоть. Не мне нужна подмена души, а тем, кто озабочен избавлением мира от зла — вот пусть они и платят по счетам.

— А почему бы и нет? — вызывающе ответила я собеседнику. — Если вашей ангельской силы достаточно, чтобы проложить прямой путь через границу миров для здоровенного демона, то неужели её не хватит для того, чтобы вре-

менно отделить человеческую душу от тела, а потом вернуть её обратно?

Ангел посмотрел на меня неприязненно, потому что не ожидал такой наглости. А я гордо вздёрнула свой призрачный подбородок — буду торговаться до последнего, я никуда не тороплюсь.

Его зовут Валентин Артемьевич. Он русский, родом из Воронежа, но живёт в Швейцарии, поскольку подответственная ему территория охватывает несколько европейских государств — у ангелов свои заморочки, не хочу даже поверхностно в них вникать. Высокий и грузный, чем-то напоминающий медведя мужчина шестидесяти двух лет. Седоватый, лысоватый обладатель мясистого носа и прескверного характера. Не знаю, какие именно заслуги позволяют ему считать себя центром Вселенной, но в сравнении с размерами его эго раздутое самолюбие Алиски выглядит маленьким и хрупким мыльным пузырём.

— И как ты себе это представляешь? — уточнил он ехидно.

— Да очень просто, — ответила я, намереваясь сражаться за Алискино право на жизнь до победного конца. — У меня ведьма знакомая была, Миланьей звали. Откат от колдовства вышиб из неё душу, которая потом существовала отдельно от живого тела почти четверть века, потому что сохранилась какая-то там связь. Вам лучше знать такие тонкости, вы же ангел. Если Миланья прожила так больше два-

дцати лет, то Алиса несколько месяцев точно протянет. У неё очень сильная воля к жизни. Я, если честно, с трудом представляю, как вам удалось довести мою сестру до желания умереть. И это вы придумали способ избавиться от демона, а согласие у Алиски вряд ли спрашивали. Хотя бы зачатки совести у ангелов должны быть. Навредили — исправляйте. А если не хотите, то и я вам помогать не стану.

За полчаса до начала этого спора я видела сестрёнку — худющая, мертвенно бледная, без сознания. Они с Сергеем уехали в свадебное путешествие в конце ноября, а сейчас ещё даже не середина марта. Всего три с половиной месяца прошло — как можно было замучить человека до катастрофически плачевного состояния за такой короткий срок? Ещё и беременную. Претензии по данному поводу у меня имелись в основном к Воронцову, потому что это он потащил Алиску в Швейцарию и обрюхатил её здесь вместилищем демона по совету ангелов, но и к обладателям ангельской силы вопросов тоже имелось немало. Да, Алиса не подарок, но она ведь живой человек. С какой стати её сочли расходным материалом? Кто дал им право распоряжаться чужими судьбами? Без согласия и дозволения к тому же.

Воронцов при нашем с Валентином Артемьевичем разговоре не присутствовал. Его вообще в этот день не было в деревне — он весьма кстати уехал в Тун по важным делам. Переночует там же в гостинице и вернётся завтра, поэтому времени на споры с очередным ангелом у меня имелось предо-

статочно. Эти двое уже смирились с тем, что Алиса не жилец, а я смиряться не собираюсь.

— То есть ты предлагаешь просто поменять вас с сестрой местами? — осведомился мой собеседник.

— Да. Просто поменять, а потом вернуть всё обратно, — упрямо повторила я.

— Но она не хочет жить.

— Это вы так думаете. Сами довели её до такого состояния. Использовали в своих целях, замучили почти до смерти и решили, что вправе судить о том, чего она теперь хочет. Вы её вообще спрашивали о планах на жизнь? Или изначально считали просто инкубатором, который не жалко выбросить после того, как он выполнит свою функцию? Чем вы лучше демонов? Такие же лицемеры.

— Ну ты выражения-то выбирай, — обиделся он. — Жертвовать малым ради спасения большего не зазорно. Это не преступление.

— Да неужели?

Было похоже, что соглашаться на мои условия никто не собирается, хотя я и не прошу о чём-то невозможном. Объяснять, почему нельзя реализовать мой план, Валентин Артемьевич тоже вроде бы намерения не имел, но в невыгодном положении находился именно он, а не я. Алиса уже не цепляется за жизнь — её душу насильно удерживают в теле, а на это тратятся бесценные ангельские ресурсы. Если я откажусь помогать, моя сестра просто умрёт, как и младенец в её жи-

воте. Демон обиды снова вырвется на свободу, сбежит, спрячется, начнёт бесчинствовать, а это станет серьёзным ударом по репутации и самолюбию некоторых личностей. Не хотят позора — пусть соглашаются.

— Ты не понимаешь… — начал Валентин Артемьевич.

— Не понимаю, — согласилась я. — И не хочу понимать. Либо вы сохраняете связь Алискиной души с телом и через полгода, когда ребёнок родится, возвращаете мою сестру к нормальной жизни, либо я в ваших замыслах не участвую. Принудить меня к чему-либо вы не можете, а на поиски согласного на такие жертвы подселенца нужно время, которого у вас нет.

Его ангельское терпение лопнуло.

— И как, по-твоему, я верну всё на свои места, если меня здесь уже не будет? — прогремело гневно. — Забыла, что я и своей душой тоже жертвую?

— Ну вы же не единственный ангел в этом мире, — невозмутимо ответила я. — Попросите других, чтобы помогли. Аню Афанасьеву озадачьте, она талантливая. Ведьм и колдунов знакомых привлеките или сделайте всё заранее, но с отложенным действием. Короче, мне плевать, как вы будете выкручиваться, но моя сестра должна выжить.

Прозвучало это всё дерзко и крайне неуважительно по отношению к представителю светлой стороны магических сил, но мне и в самом деле было глубоко неинтересно, как он решит созданную им же проблему. Пусть посоветуется с кем-

нибудь, если собственного ума не хватает.

В комнате, где мы спорили, надолго воцарилась гнетущая тишина — ангел задумался. Он недовольно хмурился и дёргал скулами, бросал на меня короткие убийственные взгляды, сердито поджимал губы, а я с видом хозяйки положения деловито осматривала его жилище. Миленький, уютный домик на склоне горы. Из окна открывается живописный вид на озеро и какой-то старинный замок на противоположном берегу. Вдоль стен на полках красуются сувениры и стоят книги. Мебель мягкая, добротная, вроде бы даже новая. И камин есть небольшой — настоящий, не декоративный. Проще говоря, живётся ангелу в Швейцарии неплохо, но в одной из комнат этого симпатичного домика прямо сейчас умирает моя сестра, поэтому я как-то подсознательно возненавидела и сам этот дом, и его хозяина, и всю Швейцарию в целом. Захотелось домой.

— Есть ещё одно условие. Ни я, ни Алиса здесь не останемся. Мы вернёмся в наш город, — высказала свои мысли вслух.

— Исключено, — услышала в ответ.

— Это не обсуждается, — возразила решительно.

Всё. Пусть дальше сам думает, что для него важнее — остаться при своих интересах или учесть и мои тоже. Я не настолько глупая, чтобы жертвовать всем ради какой-то великой цели, имеющей ко мне весьма посредственное отношение. Сохранение Алискиной жизни в обмен на помощь

с моей стороны — это, на мой взгляд, вполне справедливо. Сестрёнка вообще пострадала незаслуженно, и я кое-кому данный факт обязательно припомню. Неизвестно ещё, как эти приключения отразятся на её душевном состоянии. Если уже всё плохо, то дальше может стать ещё хуже, но маме с папой их дочь нужна живой, пусть и безумной. Я обязана вернуть сестру домой — настоящую Алису, а не только её телесную оболочку с моей душой внутри. Оставаться в её шкуре навсегда я не хочу, это неправильно.

— Хорошо, но у меня есть встречное условие, — наконец-то пришёл ангел к какому-то решению.

— И какое же? — сразу заподозрила я подвох.

— Ты хочешь увезти отсюда сестру, но я уехать не могу, поэтому за месяц до родов вы вернётесь. Всё должно случиться здесь.

— А если роды начнутся раньше срока?

— Не начнутся. Об этом я позабочусь.

— А всякий там форс-мажор? Споткнулась, упала, испугалась сильно… Или вы и от несчастных случаев оберег сделаете?

Получила соответствующее обещание и успокоилась. На время беременности у меня будет защита от любых бед и случайностей. Роды начнутся точно в срок — десятого сентября. До тех пор я буду находиться в Алискином теле и обеспечивать надёжность ловушки для демона, а моя сестрёнка на следующие несколько месяцев станет бесплотным

духом, имеющим в распоряжении свободу радиусом всего в пять шагов, как это раньше было со мной. Я буду видеть её и слышать, потому что эти мои способности никуда не денутся, но за последствия, если в итоге Алиса спятит окончательно, отвечать придётся тоже мне.

— Идёт, — согласилась я. — Непонятно только, для чего нужны были препирательства, если все мои требования выполнимы.

— Ты эгоистка, — услышала в ответ. — Думаешь, что проявляешь заботу о сестре, но для неё такое существование будет самым настоящим издевательством. Она и так уже не в себе.

— А кто в этом виноват? Я что ли?

Валентин Артемьевич умолк и снова одарил меня неприязненным взглядом, но я к нему в близкие друзья и не напрашивалась. Предложил не тратить время на пустую болтовню, а совершить задуманное немедленно, чтобы не пришлось выслушивать ещё и мнение Воронцова по данному поводу. От Сергея теперь мало что зависит, но у него, оказывается, есть чувство вины, которое, по мнению ангелов, в текущих обстоятельствах совершенно неуместно. А я сочла это неприятное чувство очень даже уместным — если оно есть, значит, и совести осталось хоть немного.

Какие-либо приготовления и ритуалы были излишни — у ангелов свои методы и возможности. Потребовалось только время на то, чтобы сделать связь Алискиной души с телом

неразрывной. Обязанность питать и поддерживать эту связь легла, конечно же, на мои плечи — буду терпеть присутствие сестрёнки даже в том случае, если оно мне надоест до зубовного скрежета. Но я ведь сама на это напросилась, поэтому жаловаться было бы глупо. О том, как буду успокаивать бесплотную сестру, когда к ней вернётся сознание, не задумывалась даже — справлюсь, не маленькая. Ангел сказал, что у меня будет всего несколько дней на то, чтобы спокойно освоиться в чужом теле, а потом Алиса очнётся. Я приняла это как должное, поскольку пока что всё шло именно так, как хотелось мне.

Ощущения от присвоения чужой плоти оказались крайне неприятными, но я смирилась и с этим тоже. Валентин Артемьевич подробно объяснил, что именно мне нужно сделать, чтобы подселение прошло успешно — я выполнила все его инструкции в точности. Было очень странно видеть призрачную Алису, безвольно висящую над полом в паре шагов от меня, но я успокоила себя тем, что стараюсь ради неё. Меня никто не учил жить так, как теперь придётся существовать ей, а у неё хотя бы наставница будет в моём лице. И это всего на полгода — переживём как-нибудь.

И ещё я сразу же поняла, почему сестрёнка утратила волю к жизни. Стоило мне почувствовать себя единым целым с её телом, как в голове сразу же прозвучало:

— Правда думаете, что сможете удержать меня здесь? Самонадеянные…

Фраза продолжилась ругательствами, коих у демона обиды за сотни лет его существования в словарном запасе накопилось немало. Алиса начала сходить с ума именно поэтому. Если бы в моей голове постоянно звучал посторонний голос, говорящий одни только гадости и пугающий мрачными пророчествами, я бы тоже спятила. А ведь эта пакость, получается, теперь находится внутри меня — голодная, озлобленная, надоедливая. Мне ещё и с её существованием придётся мириться.

— Этого демона можно как-то заткнуть? — спросила у Валентина Артемьевича без особой надежды на положительный ответ.

Ответ оказался отрицательным. Демон древний, кормился в последние десятилетия от пуза, сил у него хоть отбавляй, а злости теперь и того больше. Если бы меня заманили в тесную ловушку и заперли там, я бы тоже негодовала, а ему совсем плохо. Он на волю хочет — голодный, оттого и злющий. Через ребёнка имеет доступ к разуму матери и пользуется этим каналом для того, чтобы выражать своё несогласие с происходящим. Это всё, на что он сейчас способен. Навредить физически он никому не может, почерпнуть от носителя хоть какую-нибудь силу тоже не в состоянии. Может ещё брыкаться внутри плодного пузыря и доставлять этими действиями массу характерных неудобств — пока срок маленький, это не особенно ощутимо, а позже намнёт мамочке бока изнутри как следует. Проще говоря, приятных перспектив от

этой беременности ждать не приходится, но меня никто и не принуждает вмешиваться и терпеть.

— Я потерплю, — решительно заявила я, поскольку речь шла о дальнейшем благополучии моей единственной сестры.

Ангел самодовольно усмехнулся в ответ. Вот вроде бы я и одержала над ним победу, вынудив согласиться с моими условиями, но впечатление создавалось такое, будто бы на самом деле потеряла больше, чем обрела.

После процедуры подселения он оставил меня в покое на несколько часов — мне нужно было привыкнуть к телесной оболочке и научиться управлять ею хотя бы для того, чтобы поесть, выпить воды, сходить по нужде. Раньше я как-то и не задумывалась даже о существовании всех этих потребностей, а теперь пришлось. В животе тянуло от голода, поскольку Алиса в последнее время наотрез отказывалась от еды, а последние два дня вообще провалялась в бессознательном состоянии. Она, дурочка, протест выражала, а я ведь даже глотать не умею. Первые пару часов слюну полотенцем вытирала, потому что не могла её проглотить. И ещё поняла, что синяки — это больно. Сестрёнка каким-то образом ушибла правую руку и ногу с этой же стороны. Ссадины имелись только на локте и вызывали непривычное ощущение жжения, а под ними и на ноге чуть выше колена расплылись здоровенные фиолетовые пятна, которые, по мнению Валентина Артемьевича, лечения не требуют и через пару недель пройдут сами.

«Он жестокий. Смерти тебе желает. Не станет заботиться и помогать», — вещал демон внутри меня.

— Не всякий недуг лечить нужно. Боль от ушибов хоть и неприятная, но её лучше перетерпеть, чем глушить лекарствами, — разглагольствовал ангел снаружи.

А мне в это время очень сильно хотелось придушить Воронцова — за то, что он втянул мою сестру в эту битву добра со злом. Ему не нравилось быть проводником и вместилищем для демона, это понятно, но почему страдать из-за его желаний должны другие? Я ему устрою семейную идиллию, пусть только появится. Сам не рад будет, что связал свою судьбу с Бельскими. Он и так не особенно радовался, а теперь его жизнь и вовсе превратится в непрерывный кошмар.

Глава 2

До этого дня в моём распоряжении имелись слух, зрение и обоняние, а вкуса и осязания не было. Я не понимала, почему люди морщатся, когда едят что-нибудь кислое или горькое. Не видела разницы между сухим и мокрым, мягким и жёстким, горячим и холодным. Знала, как пахнет овсяная каша, но никогда её не пробовала. Даже ложку в руке держать не училась, а это, как выяснилось, чуть ли не целая наука. Ещё и множество разных действий координировать надо, чтобы просто поесть — ужас!

— Осторожно, каша горячая. Подуй на неё, прежде чем в рот сунуть, — посоветовал мне ангел.

Я смотрела на тарелку со своим ужином так, будто бы в неё положили не овсянку, а что-то непобедимое. От каши поднимался густой пар. На поверхности расплылось жёлтое пятно сливочного масла и пока ещё были видны мелкие крупинки сахара.

— Пожалуй, я подожду, пока она сама немного остынет, — решила я проблему с температурой основного блюда и переключила своё внимание на бутерброды с сыром.

Их ведь жевать надо, а я не умею. Суть процесса понимаю, но челюстей и зубов у меня раньше не было, как и потребности в пище. Учиться теперь многому придётся, но я ведь сама хотела обрести тело, да? О чём мечтала, то и получила.

Валентин Артемьевич тяжело вздохнул и скосил взгляд на бестелесную Алису, которая всё ещё пребывала в бессознательном состоянии и пока не проявляла никакого интереса к происходящему. Я тоже посмотрела на свою сестрёнку и спросила у ангела:

— Как вы добились того, чтобы она забеременела? Между ней и Воронцовым не было взаимного влечения, страсти, желания и всего такого.

— Чары, — прозвучало в ответ.

— Любовные? — уточнила я.

— А какие ещё-то? Когда эта парочка заявилась ко мне на порог, я сразу понял, что работать с ними будет очень сложно. Они же презирают друг друга до глубины души. Я много разных пар видел, но настолько бесперспективную встретил впервые. И ведь не в древности живём, когда браки были вынужденными и молодожёнов никто не спрашивал об обоюдности желания создать семью. Сергей этот себе на уме, но его жизнь побила основательно, а сестра-то твоя чего к нему прицепилась? Из-за денег только?

— Деньги, связи, известность, — перечислила я Алискины цели. — Если честно, то я сестру тоже не очень понимаю в этом отношении. С тех пор, как она положила глаз на Воронцова, ничего хорошего не произошло. Потерь было гораздо больше, чем приобретений. Теперь ещё и ребёнок мёртвым родится. Не знаю, как она сможет это пережить, но уверена, что переживёт.

Для Алисы магическая сторона происходящего пока оставалась тайной. Сестрёнка продолжала добросовестно заблуждаться относительно умственного здоровья своего мужа и, наверное, мечтала побыстрее определить Серёжу в психушку, чтобы получить беспрепятственный доступ к его банковским счетам. Истерика, случившаяся на свадьбе, была благополучно списана ею на нервное перенапряжение, а потом началось путешествие, обещавшее желаемое продолжение скомканного начала. Маленькая живописная деревенька в окрестностях швейцарского Туна значилась одним из многих пунктов кругосветного маршрута. Дом Валентина Артемьевича — местом, где можно остановиться на несколько дней. Пока чета Воронцовых добиралась сюда, ангел уже получил от Афанасьевых всю необходимую вводную информацию и успел придумать гениальный план изгнания демона в другую реальность. Первый же ужин в его доме стал для моей сестры началом кошмара, затянувшегося на несколько месяцев, а не дней. Алиса не понимала, что происходит. Не контролировала себя и под действием сильных любовных чар интересовалась исключительно интимной стороной супружеской жизни. Сергей тоже был под чарами, но добровольно и осознанно — по-другому он просто не смог бы делить постель с моей сестрой. Оба не покидали пределы отведённой им комнаты, пока ангел не определил как-то, что зачатие свершилось. После этого любовные чары были заменены на контроль, и Алиска стала приманкой для демона. Же-

лание задержаться в Швейцарии ей навязали, как и внезапную любовь к местным пейзажам. Но демон не пришёл бы в жилище ангела, поэтому Сергей почти на две недели увёз Алису в горы кататься на лыжах. Там исчадие зла и угодило в ловушку, умело расставленную опытным борцом с тёмными силами. Когда Воронцовы вернулись, моя сестра уже начала отмечать у себя признаки безумия и часто жаловалась на навязчивый голос в своей голове. Со временем ей стало хуже, зато Серёже значительно полегчало, потому что он сбросил все свои магические проблемы на ребёнка. Теперь Воронцов не является проводником, не страдает из-за душевной пустоты и не видит призраков. Он стал самым обычным человеком с необычными проблемами, которые пока ещё не решены до конца. А Алиса… Она просто очень быстро сходила с ума, начала вредить себе, поэтому Валентину Артемьевичу пришлось во многом ограничить её свободу. Закончилось это тем, что однажды ночью она уткнулась лицом в подушку с намерением положить конец своим страданиям хотя бы так. Выжила, конечно, но волю к жизни утратила полностью, поэтому ангел и погрузил её в глубокий сон, пытаясь удержать в теле душу, которая желает уйти.

Я решила не спрашивать у Валентина Артемьевича, может ли он сделать так, чтобы Алиса потом забыла всё об этом периоде своей жизни. Другого помощника найду, который поработает с воспоминаниями моей сестры. У Ани проконсультируюсь — может, посоветует специалиста или сама со-

гласится помочь. Не хочу быть должной тому, с кем даже общаться неприятно. Для него человеческие судьбы и жизни важны только в масштабах всего человечества, а не сами по себе. И объяснять ему, что ценна каждая жизнь, похоже, бесполезно — возраст, опыт и давно сложившаяся система ценностей всё равно возьмут своё.

Каша немного остыла. На вкус она показалась мне странной, поэтому я сразу же пришла к выводу, что овсянку не люблю.

— Ты должна хорошо и правильно питаться, — назидательным тоном изрёк ангел.

— Ага, — согласилась я уныло. — Только для начала мне не мешало бы разобраться, чем кислое отличается от сладкого и так далее. Алиса предпочитает есть овощи, фрукты и диетическое мясо. Хлеб, конфеты и жирную пищу она себе давно запретила, опасаясь растолстеть. Дома встану на учёт в женской консультации и спрошу у врача про диету. Так, наверное, будет правильно.

И подумала о том, сколько претензий мне придётся выслушать от сестры. Она же помешана на том, чтобы выглядеть идеально. Лишние калории — табу. То нельзя, это недопустимо… Хотелось бы мне попробовать на вкус мамины пирожки и блинчики, но родители уехали. Нужно будет ещё и Воронцова уговаривать съездить к ним. Всё вдруг стало так сложно, а куда деваться? Если хочу сохранить сестре жизнь, остаётся только терпеть. Всего полгода. Потом я снова обре-

ту свободу, попытаюсь заполучить собственное тело и буду жить так, как хочется мне, а не кому-то другому.

Вечер этого дня был потрачен на изучение вкусовых качеств пищи. Я попробовала всё, что имелось в холодильнике у одинокого ангела. Объелась. Заодно прочувствовала, что такое тошнота. Из овощей мне понравились только огурцы — маринованные, свежих не было. Из фруктов — консервированные персики в сиропе. В целом я выяснила, что сладкое гораздо вкуснее всего остального. Если бы Алиса видела, с каким удовольствием я уплетаю сдобное печенье и мармелад, её удар хватил бы. Но этот пир для меня был разовой акцией, необходимой для приобретения опыта. Питаться так каждый день я бы не рискнула, поскольку такими темпами можно не только растолстеть, но и угробить желудок.

Усталость, сонливость, желание прилечь и вздремнуть — это всё для меня тоже было в новинку. Ангел наблюдал за мной с нескрываемой насмешкой, но он-то родился нормальным человеком, а мне ко всему нужно привыкать. Ещё и этот раздражающий голос демона в голове… К нему привыкнуть вообще невозможно.

— Поздно уже. Ложись спать, — предложил Валентин Артемьевич.

— Угу, — согласилась я, широко зевнув. — Только сначала мне нужно почистить зубы, принять душ, переодеться… Алиска меня со свету сживёт, если я не буду соблюдать все её привычные ритуалы.

В ответ услышала, что в последнее время никто никакие ритуалы не соблюдал. Это логично, ведь у моей сестрёнки крыша поехала стараниями некоторых благодетелей, но теперь всё иначе. Через пару-тройку дней Алиса очнётся, постепенно вернёт рассудок и начнёт меня пилить. Лучше не раздражать её всякими пустяками, иначе к надоедливому голосу демона добавится ещё и постоянное Алискино нытьё. Если спячу и я тоже, весь план по избавлению нашей реальности от демонического зла полетит коту под хвост, а такой исход никому не нужен.

Всё в жизни случается в первый раз. Чистка зубов — то ещё удовольствие. Душ гораздо приятнее, если правильно настроить температуру воды. Ароматные гель для душа и шампунь на вкус редкостная гадость. Мочалка жёсткая. Пол в душевой кабине скользкий. Фен нужно держать подальше от головы, чтобы в него не попали волосы, но тёплый воздух — это круто. А шёлковые сорочка и халат — ужас. Не понимаю, что Алиске может нравиться в этой ткани. Я, наверное, предпочла бы что-нибудь другое, но в чемоданах моей сестры нашлось только такое бельё.

Заодно выяснилось, что молодожёны спят в разных комнатах. Всего в доме Валентина Артемьевича четыре жилых комнаты, две из которых оборудованы под гостевые и иногда сдаются туристам. Эти две Алиса с Сергеем и заняли — не бесплатно, конечно же, поэтому меркантильность стареющего ангела меня позабавила. У него нет ни семьи, ни детей,

ни внуков — для кого наследство копит? К тому же помрёт через полгода, чтобы сопроводить демона за границу миров. Пока я принимала душ, он сменил постельное бельё на кровати, а потом заявил, что включит это в счёт за проживание — ну не смешно ли?

А потом мне впервые в жизни представилась возможность прочувствовать, что из себя представляет сон. Я долго ворочалась, пытаясь улечься поудобнее, а когда наконец-то заснула, увидела то, что называют ночными кошмарами. Проснулась от собственного крика и ещё потому, что упала с кровати. Напугала таким поведением хозяина дома, но мне было гораздо страшнее, чем ему. А главное — я так и не смогла объяснить, что именно привело меня в ужас. Сон просто вылетел из головы, словно его там никогда и не было. Остались только липкий пот на коже, отчаянно бьющееся сердце в груди и нежелание переживать это снова.

— Это из-за демона, — объяснил мне Валентин Артемьевич. — Когда ты спишь, он получает почти полный доступ к твоему разуму. Из-за частых кошмаров пропадает желание спать, а длительная бессонница приводит к потере рассудка.

— А заранее предупредить нельзя было? — разозлилась я, потирая ушибленное при падении бедро. — Если так будет продолжаться и дальше, то от выкидыша меня никакие ваши обереги не спасут. Есть же успокоительный чай на травах, например. Валерьянка там, пустырник. То, что для беременных не вредно.

— Не помогают они, — услышала в ответ. — Чем крепче спишь, тем больше у демона власти.

— В таком случае ваши ангельские способности начинают вызывать у меня сомнения, — язвительно ответила я. — Это же вы придумали демона внутри ребёнка запереть. Последствия кто предусмотреть должен был? Ни одна нормальная женщина такую беременность просто не выдержит, а ненормальная найдёт способ избавить себя от мучений.

— Когда голод ослабит демона, будет легче, — пообещал ангел.

— И когда это случится? — уточнила я. — Вы вообще уверены, что ваш план выполним? Простые смертные, знаете ли, очень хрупкие во всех отношениях. То, что по силам вам, для них недостижимо. Об этом вы подумали?

Он сказал, что подумал обо всём, но полностью исключить риски невозможно. Этого демона обиды ангелы не могли победить или изгнать слишком долго. То, что он остаётся в ловушке на протяжении нескольких недель — уже огромное достижение. Я не ругаться должна, а гордиться тем, что мне выпала честь принимать участие в столь важной и сложной миссии. Но я никакой гордости почему-то не чувствовала, зато испытывала непреодолимое желание послать ангела к чёрту. Сдержалась только потому, что сочла упомянутое направление слишком обидным, а мне ведь ещё придётся пользоваться возможностями этого противного старика.

Снова легла спать, но сон уже не шёл. Просто лежала в

темноте, смотрела в потолок, пыталась не слушать бормотание демона в своей голове и размышляла о способах как-то подавить это зло. Оно ведь не затыкается. То ноет, то угрожает, то орёт в голос, отчего кожа на руках становится «гусиной». Моя психика крепче Алискиной хотя бы потому, что я почти четверть века была бестелесным духом и многое воспринимаю иначе, но от того, что происходит сейчас, любой спятил бы. Это невыносимо. Бедная моя сестрёнка, как она выдерживала это издевательство? И насколько успела повредиться умом? Сможет ли снова стать нормальной? В моём плане, надо признаться, тоже полно дыр. Я придумала его без оглядки на текущее состояние Алисы, а теперь придётся действовать по обстоятельствам. Неугомонный демон внутри, чокнутая сестрица снаружи — сама-то я с этим справлюсь? Надолго ли хватит моей выдержки?

«Да замолчи уже», — мысленно попросила я демона, который завёл свою стандартную песнь о беспросветном будущем для всех, кто посмел его пленить.

Захотелось плакать. Я никогда раньше не плакала, потому что у меня не было ни глаз, ни слёз. Всхлипнула жалобно. Почувствовала, как горло будто бы сжалось, а по щекам в то же время потекли тёплые капли. Солёные на вкус. Смотрела на свою призрачную теперь сестрёнку, прикованную к собственному телу нерушимой связью, и рыдала от жалости к ней, пока оставались силы. В какой-то момент заснула, но почти сразу же проснулась, разбуженная очередным кошма-

ром. Поняла, что это всё выше моих сил. Я не выдержу, хотя должна. Нужно как-то заткнуть демона, иначе он и меня сведёт с ума. Если нет способа заставить его умолкнуть, то проще отпустить — даже если из-за этого решения пострадают тысячи невинных людей, наши с Алисой жизни и судьбы не дешевле прочих.

Глава 3

Воронцов приехал утром, когда мы с Валентином Артемьевичем завтракали — остановился на пороге гостиной, посмотрел на меня удивлённо, а потом перевёл вопросительный взгляд на хозяина дома. Сергей теперь не видит ничего сверхъестественного, потому и не заметил в двух шагах от меня призрачную Алиску, которая всё ещё пребывала в бессознательном состоянии и в блаженном неведении относительно всего происходящего.

— Доброе утро, Сергей Валерьевич, — произнесла я так, чтобы он понял, что покоя в обозримом будущем ему не видать.

Валентин Артемьевич промолчал, но многозначительно пожал своими широченными плечами, поэтому взор Воронцова снова обратился на меня.

— Как себя чувствуешь? — спросил Серёжа осторожно.

— Так, будто беременна тысячелетним демоном, а о моём согласии на это спросить забыли, — ответила я.

Он снова посмотрел на ангела, но тот только тяжело и обречённо вздохнул.

Я разбудила хозяина дома ещё до рассвета и всё утро донимала его требованиями заставить демона замолчать. Если можно поймать, то и заткнуть способ должен быть. И это ведь не только в моих интересах. Если я тоже слечу с кату-

шек или откажусь от своих прежних намерений, другую подмену ангелы найти вряд ли успеют. Не мне нужно избавиться от проклятого демонюки, а им. Мне эгоизм не жмёт нисколько. Сестру жалко, да, но её и так уже все списали со счетов. И о том, какой у меня характер на самом деле, знаю только я. Могу и стервой побыть, раз уж возникла такая необходимость. Проще говоря, всего за несколько утренних часов я довела Валентина Артемьевича до белого каления, поэтому на объяснения с Воронцовым сил у него просто не осталось.

— Садись завтракать, — только и смог предложить бедолага своему постояльцу.

— Я в гостинице поел, — отказался Сергей от щедрого предложения, но за стол всё же присел.

И смотрел при этом на меня с искренней подозрительностью, что вполне соответствовало моим намерениям превратить его дальнейшую жизнь в самый настоящий ад.

— Я не Алиса, — сообщила ему доверительно, взяв с тарелки очередной бутерброд.

Бутерброды с колбасой вкуснее, чем с сыром. Колбаса и сама по себе вкусная, но я не видела, чтобы кто-то ел её без хлеба, поэтому решила гастрономические традиции не нарушать.

— Не Алиса? — недоверчиво переспросил Воронцов.

— Не-а, — подтвердила я беззаботно. Откусила кусочек от бутерброда, тщательно его прожевала, проглотила, запила тёплым чаем и только после этого пояснила: — Я Алёна. Ты

ведь сам дал мне это имя, помнишь?

Его взгляд снова переместился на ангела, но тот безоружно поднял руки, пожелал нам приятного аппетита и предпочёл ретироваться. Сергей некоторое время молчал и ждал, когда я расщедрюсь на объяснения, но мама учила Алиску не болтать во время еды, поэтому я сосредоточила всё своё внимание на завтраке. Настроение у меня при этом было до крайности раздражённое и воинственное, какое, наверное, случается у всех, кто поспал за ночь всего несколько минут.

— И как это всё понимать? — спросил Воронцов напряжённо.

Его ведь никто не предупредил о том, что я намерена вмешаться в ангельские дела. Аня сообщила об этом Валентину Артемьевичу, но тот ни в чём не испытывал уверенности и был склонен полагать, что его грандиозный план в итоге всё-таки провалится, а демон снова улизнёт. Проще говоря, Алиску все заведомо похоронили, а о возможности моего участия предпочли промолчать в расчёте на то, что при успешном решении проблемы я буду до конца своих дней добросовестно притворяться сестрой, жить под её именем, пользоваться её документами и так далее. Я, между прочим, ничего подобного никому не обещала. И если теперь Воронцову нужны объяснения, он получит их в полной мере и даже с лихвой.

Доела бутерброд, допила чай, помыла за собой посуду, вернулась за стол и заявила:

— А вот так и понимай, Серёж. Ты женился на Алисе потому, что Потапова угрожала в случае отказа сжечь твой любимый детский дом вместе со всеми, кто там живёт и работает. Привёз мою сестру сюда для того, чтобы ангелы избавили тебя от проблем с демоном. Зная о том, как именно будут решаться эти проблемы, дал на всё согласие и даже пожертвовал своим ребёнком. Алиса ещё не умерла, но ты уже помчался к местным властям выяснять, что нужно для того, чтобы вернуть тело твоей жены родственникам в России. И кто ты после всего этого, чтобы требовать объяснений? Сказать? Или сам понимаешь?

Он отвёл взгляд и сжал кулаки. Потом знакомым мне жестом запустил пальцы правой руки в свои тщательно причёсанные волосы и негромко чертыхнулся. Ему стыдно — так и должно быть. Это только начало. Если осмелится остаться рядом, я не стану щадить его чувства, потому что он Алису не пощадил. Его поступкам нет оправдания, хотя раньше я была склонна считать этого человека хорошим, честным и справедливым. Он глубоко меня разочаровал.

— Алиса… — начал осторожно.

— Она здесь, — поняла я невысказанный вопрос. — Мы с ней временно поменялись местами. Пока она без сознания и мне не докучает, но хватает и демона, который никак не заткнётся. Ты знал, что Алиска постоянно слышит его голос? Мало того, что он матерится похлеще портового грузчика, так ещё и спать не даёт. Тебе-то, наверное, превосходно спа-

лось после того, как избавился от всех магических проблем, да? Не ты ведь теперь страдаешь.

— Ну хватит! — разозлился он. — Если бы всё это меня осчастливило, я бы бросил твою сестру здесь и спокойно вернулся домой!

— А почему не бросил-то? Совесть заела? — ехидно осведомилась я.

— Да, заела! Я тоже живой человек, между прочим! Мне тоже бывает больно!

— Ага. И обидно, поэтому демон обиды на тебя и запал!

Меня буквально трясло от злости — непривычное и неприятное состояние. Воронцов пребывал примерно в таком же. Эта наша первая после долгой разлуки встреча и не должна была стать приятной, но я не предполагала, что тоже испытаю дискомфорт. Ещё один первый в жизни опыт — поскандалить с тем, к кому есть реальные претензии, но кого тоже в какой-то мере жаль. А самое неприятное заключается в том, что раньше мне приходилось контролировать эмоции без оглядки на реакцию тела. Оказывается, успокоиться после того, как закипишь, невероятно сложно. Но нужно, потому что внутри Алискиного тела есть не только моя душа, а ещё и бесценный ребёнок, которому для всеобщего благополучия положены покой и позитив.

Воронцов усмирил свои эмоции первым. Набрал в грудь побольше воздуха, закрыл глаза, медленно выдохнул и уже спокойно произнёс:

— Я не хотел, чтобы всё было так, понимаешь? Сначала Савелий начал вести себя странно, потом появилась эта твоя подруга…

Я тоже глубоко вдохнула, шумно выдохнула и попросила его не перекладывать свою вину на других.

— Выбора у человека нет лишь тогда, Серёж, когда он стоит на пороге смерти. Ты мог остановиться, когда понял, что за странным поведением старика стоит Потапова. Мог поднять все свои связи и попытаться решить именно эту проблему, а не идти на поводу у злодейки. Мог объяснить всё мне, но не сделал даже этого. И здесь, когда тебе сказали, что ценой избавления тебя от демона и миссии проводника будет жизнь твоего ребёнка… Речь ведь даже не о моей сестре, на которую тебе плевать с вершины Эвереста, а о том, что к светлому и безоблачному будущему ты готов идти по чужим головам и костям. Я не знаю, как буду объяснять это всё Алисе, когда она проснётся и начнёт задавать вопросы. И избавлять тебя от ответственности за всё случившееся тоже не стану. Ты сам эту кашу заварил, сам теперь её и расхлёбывай, а я посмотрю, как у тебя это получится.

Оставила его в гостиной одного, потому что мне срочно требовалось уединение — то ли варёная колбаса пришлась Алискиному желудку не по вкусу, то ли на пищеварении сказалось нервное перенапряжение. Заодно пришла к выводу, что в наличии физической оболочки больше недостатков, чем преимуществ. Одна только тошнота чего стоит — отвра-

тительное ощущение. И головная боль ещё. Она началась до завтрака, постепенно нарастала, а потом и вовсе начала казаться невыносимой. Причиной этому недомоганию, вероятнее всего, служит недостаток сна, но я пока не придумала способ как следует выспаться. И можно ли беременным принимать лекарства от головной боли, я тоже не знаю.

После того, как опорожнила желудок и умылась, пошла искать Валентина Артемьевича — он обещал мне физическое благополучие и защиту от всех бед до родов. Нашла его на заднем дворе за домом, где ангел добросовестно колол дрова для камина и складывал их в аккуратную поленницу под навесом.

— У меня голова болит, — пожаловалась с нотками претензии.

— У меня тоже, — огрызнулся он, но быстро взял себя в руки.

Обошлись без лекарств — лёгким массажем с использованием толики ангельских сил. После этой процедуры мне была рекомендована прогулка по окрестностям, потому что у свежего воздуха целебные свойства особенные. Совету я вняла, но от сопровождающего в лице Сергея Валерьевича отказалась — он меня раздражает. Гуляла почти до полудня, пока не замёрзли ноги. Алиска любит красивую обувь и одежду, а не практичную — шлёпать по мартовским лужам в её ботиночках для здоровья вредно. Вернулась, опасаясь схлопотать ещё и простуду, и уже в доме поняла, что

за время прогулки местными пейзажами так и не полюбовалась, поскольку смотрела всё время преимущественно себе под ноги и думала совсем не о красотах природы.

Воронцов и Валентин Артемьевич в моё отсутствие успели обсудить последние события и составили приблизительный план действий на время нашего с Сергеем пребывания в России. Я буду выдавать себя за сестру — это единственный вариант, других нет. Жить мне придётся в Серёжиной квартире, поскольку для супружеской пары это естественно. Аня Афанасьева будет моим «куратором» и связным на случай непредвиденных ситуаций. Живёт она за городом, но можно использовать её отца в качестве посредника, ведь он тоже из нерождённых и способен проявить понимание. Раз в месяц Аня будет меня навещать, чтобы оценить состояние моё и ребёнка, а в первых числах сентября мы с Воронцовым снова приедем в Швейцарию. У Валентина Артемьевича здесь есть хорошие знакомые, которые позаботятся о том, чтобы у нас не возникло проблем, связанных с родами и внезапной смертью хозяина дома. После всего этого Аня сможет вернуть душу Алисы обратно в тело, а мою — освободить.

— Да мне без разницы, как вы себе это представляете, — сообщила я мужчинам, стаскивая с ног мокрые ботинки. — Мне другая обувь нужна. И одежда. Алискино носить не стану, оно неудобное.

— Тебя в магазин свозить? — предложил Воронцов.

— Да, — согласилась я.

Выяснилось, что в деревне приличного магазина одежды нет. Нужно ехать в город, но меня это нисколько не смутило. Алискины джинсы слишком узкие — на живот давят. Свитера, водолазки и блузки слишком облегающие. Бюстгальтеры — тесные. И это с учётом того, что за три месяца беременности сестра сильно похудела, а не поправилась. У меня в голове не укладывалось, как она вообще может носить такие вещи. На ней всё это смотрится очень красиво и уместно, но неудобно же! Как вакуумная упаковка, другого сравнения и не придумаешь. Понятно, что придётся выслушать от Алиски претензии ещё и по поводу одежды, которую я надеваю на её тело, но пока в этом теле нахожусь я, носить буду то, что нравится мне.

Воронцов повёз меня в город — молча, без комментариев. Молчал всё то время, пока я впервые в своей жизни наслаждалась шопингом. С менеджерами-консультантами в магазинах я общалась сама — на английском языке, который знала хоть и не в совершенстве, но вполне сносно. Багажник арендованного автомобиля я забила покупками почти до отказа, а потом сообщила Сергею, что голодна, но в дорогой ресторан не пойду, поскольку атмосфера маленьких заведений мне нравится больше. Он только кивнул в ответ — согласен на что угодно, лишь бы я его не пилила. Привёл меня в небольшое уютное кафе, сунул мне в руки меню и выглядел при этом так, будто готов положить к моим ногам весь мир.

— Хочу вот это, — ткнула я пальцем в заковыристое на-

звание блюда.

— Это рыба, — услышала в ответ.

— И что?

— Алиса не ест рыбу.

— А я ем.

В итоге выяснилось, что я рыбу тоже не ем, поскольку Алискин желудок с начала беременности отказывается её переваривать и возвращает назад. Когда я зажала рот рукой и умчалась в направлении общественной уборной, официантка, нас обслуживавшая, и администратор зала испугались не на шутку, но Воронцов их успокоил ещё до моего возвращения.

— Ладно, — приняла я это своё поражение. — Раз всё так плохо, то лучше сразу расскажи мне всё, что я должна знать о новых предпочтениях этого тела. Это в твоих же интересах, иначе не только извиняться перед всеми придётся, но и скорую для меня вызывать и счета за лечение оплачивать.

Он рассказал — по пунктам, будто они въелись в его мозг и укоренились там навечно. Из рациона мне следует исключить всё рыбное, баранину, яйца и куриное мясо, грибы, сырокопчёные и варёно-копчёные колбасы, фасоль и горох, свеклу и капусту, творог и некоторые другие виды кисломолочных продуктов, хлебобулочное изделия из дрожжевого теста, кислые фруктовые соки, спаржу, мясные субпродукты… Перечень запретов оказался настолько внушительным, что к его завершению у меня вполне обоснованно отвисла

челюсть.

— От всего этого Алису начинало сильно тошнить, — подытожил Сергей. — Я не утверждаю, что есть это нельзя, но перепроверять на твоём месте не рискнул бы.

— Воронцов, а ты про токсикоз хоть раз слышал вообще? — уточнила я, всё ещё пребывая в слегка ошалелом состоянии. — Так-то беременных на ранних сроках от всего тошнить может. Даже от внешнего вида любимого мужа.

— Хочешь сказать, что я зря всё это запоминал? — нахмурился он.

— Ага, — кивнула я. — Зря. Я перестала слушать тебя и вникать в этот бред где-то между беконом и жареным луком. Но ты молодец, да. Заботливый. Неудивительно, что Алиска так отощала при такой-то диете. Хочу сладкого. Закажи мне что-нибудь на своё усмотрение, а то ты так побледнел, что мне за твоё здоровье страшно.

Он подозвал официантку, заказал чай и два вида пирожных. Нервно наблюдал за тем, как я их ем, а потом спросил, нормально ли я себя чувствую — бисквиты и пудинги в его списке запретов тоже значились. А я не знала, как реагировать на его поведение. Видно, что он чувствует за собой вину перед Алиской, но в подобных ситуациях лучше ведь сожалеть о том, что сделано не было, чем о содеянном. Натворил бед, а теперь мучает сам себя. И сестра моя ему не нужна, и бросить её он не может, потому что виноват.

— Потапова умерла, — доверительно сообщила ему, об-

лизнув ложечку, которой ела шоколадный пудинг. — Никто твоего старика больше не шантажирует и не прессует за старые грехи, поэтому ваш с Алисой брак утратил всякий смысл. После того, как вернёмся в Россию, можешь считать себя совершенно свободным, но заявление о разводе я подписать, прости, не смогу. Принцип понимаю, а ручку в руки не брала никогда. Можешь в суд подать на развод, а я просто не буду приходить на заседания. Через три месяца автоматом разведут, это обычная практика. Ну или подожди, пока я научусь Алискину подпись подделывать. Мне этот навык всё равно пригодится, потому что нужно как-то в её салоне красоты дела вести.

— Я не собираюсь разводиться, — огорошил он меня очередной новостью. — Раз уж вы нашли способ сохранить Алисе жизнь, я готов взять на себя ответственность за всё зло, которое ей причинил.

— Воронцов, ты дурак? — уточнила я. — У тебя ювелирный бизнес, а наследника нет. Можешь, конечно, на стороне его сделать и до конца своих дней с чокнутой женой возиться, но если у моей сестры мозги всё-таки встанут когда-нибудь на место, она сживёт со свету не только тебя, но и всех твоих побочных отпрысков. Алиса Бельская обид не прощает, это не в её привычках. К такому развитию событий ты тоже готов?

— Я завещаю всё своё имущество детскому дому.

— А, ну да. Благородный толстосум посвятил себя всеце-

ло больной на голову супруге, да? Тошнит уже от вашего Воронцовского благородства.

— Это тебя от сладостей тошнит, — возразил он.

— Нет. От сладостей мне ещё сильнее есть хочется, — огрызнулась я и снова подозвала официантку, чтобы заказать что-нибудь мясное.

Не злилась на Сергея просто потому, что устала. Усталость — тоже не слишком приятное чувство. Когда была бесплотным духом, не испытывала потребности в отдыхе, а теперь в сон клонит постоянно. И не поспишь ведь в своё удовольствие — демон не позволит.

Пока размышляла об этом, заметила, что Сергей всё время смотрит не на меня, а куда-то мимо — то в одну сторону, то в другую.

— Ты Алису что ли увидеть пытаешься? — догадалась сразу.

— Странно просто осознавать, что ты и она… В общем, непривычно, — признался он.

Для меня это всё тоже было очень странно и непривычно, но я не позволяла себе думать о том, что поступила неправильно. Если бы я не сделала этого, то моя сестра уже была бы мертва, а её тело навсегда осталось бы в моём распоряжении. С одной стороны, это неплохо, ведь за полгода я привыкну к чужой плоти и научусь мириться с побочными эффектами, а с другой — это не моё. Однажды я спасла маму от порчи ценой своей жизни, а теперь спасаю от гибели

сестру. У нерождённых детей нет предназначения, но ведь им было суждено родиться ангелами, а ангелы должны оберегать простых смертных от бед. Неважно, следуют ли другие своему призванию, но я хочу идти именно таким путём. Если есть хотя бы мизерный шанс спасти Алиску, я его использую. Постараюсь пережить все связанные с этим невзгоды, а потом верну тело сестрёнке, потому что оно принадлежит только ей. Я сделаю для родных всё, что в моих силах, и не буду ждать благодарности за это. Они всё равно никогда не поймут меня и не примут, зато моя совесть будет чиста.

В деревню мы возвращались уже затемно. По стёклам снаружи бил холодный мартовский дождь. Сергей вёл машину, а я задремала на переднем пассажирском сиденье и едва не выронила из рук огромный букет хризантем. Первые… Нет, это были уже вторые в моей жизни цветы, подаренные именно мне — Алёне Бельской. Первые не в счёт, потому что их прислал демон, завладевший телом и разумом Воронцова. А эти, вторые, Серёжа купил сам и без какого-либо умысла. Рядом с кафетерием, где мы ужинали, есть цветочный магазин. Мы проходили мимо него, возвращаясь к машине, и Воронцов вдруг вспомнил, что мне нравятся хризантемы. В продаже имелись только крупные белоснежные — он купил их все и сказал, что это подарок мне к восьмому марта, пусть и запоздалый. Без причины. Просто ему захотелось сделать для меня что-нибудь приятное. Не для Алисы. Не из чувства вины и не ради прощения — просто так. И мне действитель-

но было приятно, потому что подарок без причин никого ни к чему не обязывает.

Глава 4

Этой ночью я тоже практически не спала. Не знаю, должно так быть или нет, но моя душа за сутки вряд ли могла как следует слиться с телом Алисы, а демон уже получил полный доступ ко всем моим обидам и страхам. «Для кого стараешься? Никто ведь этого не оценит. Никто даже не знает о твоём существовании. Сестра теперь будет знать, но спасибо тебе за это она точно не скажет. И родителям не признается, что ты есть, потому что хочет владеть их любовью и вниманием всецело. Она же редкостная эгоистка. Ты будешь страдать за неё, а потом тебя вышвырнут обратно в никуда. Ей снова достанется всё, а ты останешься ни с чем. Оно тебе надо?» — вещал он заунывно одно и то же до самого утра.

— Не останусь здесь больше ни дня, — решительно заявила я Воронцову, разбудив его ещё затемно. — Дома даже стены лечат, а здесь всё чужое, непривычное и раздражающее.

Он посмотрел на меня сонно и вздохнул.

— Ладно. Сейчас встану, умоюсь и закажу билеты.

Аппетит у меня тоже пропал. Есть не хотелось совсем, но Валентин Артемьевич настоятельно рекомендовал позавтракать, потому что истощённому Алискиному телу нужен источник жизненной энергии. Я позавтракала через «не хочу». Потом полдня ворчала на мужиков, обвиняя их в бессердеч-

ности — без причин, просто у меня было плохое настроение. Собрала вещи сестры в одну кучу с намерением распихать их по чемоданам, но потом решила всё выбросить, потому что надевать и носить это точно не буду. Оно всё невероятно узкое и облегающее, а беременные имеют обыкновение набирать вес и раздаваться в определённых местах. Да, вещи дорогие, но в ближайшие месяцы они никому не понадобятся, а потом Воронцов компенсирует Алиске эту потерю.

Самолёт вечером из Цюриха. Доедем туда на машине за пару часов, а завтра в обед будем уже в Москве. Меня такая перспектива вполне устраивала, хотя я с трудом представляла, как переживу это путешествие. Голова гудела, потому что демоническая пакость внутри меня не умолкала ни на минуту. Я чувствовала себя совершенно разбитой, раздавленной, расплющенной, выжатой… А ведь с момента подселения прошло меньше двух суток — что же дальше-то будет? Пока моего душевного равновесия хватает, чтобы воспринимать окружающую действительность адекватно, но оно ведь не резиновое. Мне и так плохо из-за того, что прежняя свобода ограничена теперь множеством потребностей и непривычных ощущений, а тут ещё и эта вредная говорилка внутри. Ужас!

— Опять не спала? — догадался Воронцов, когда я наорала на него из-за какой-то ерунды.

— А ты попробуй поспать с вечным радио в башке! — огрызнулась нервно.

Валентин Артемьевич заварил для меня какие-то успокаивающие травы. После приёма отвара стало немного легче, но демона это снадобье не заткнуло же. Я несколько раз за день просто отключалась на несколько минут, а потом просыпалась измученной, глубоко несчастной и невероятно злой. Полгода такой пытки никто не способен вынести. Пусть бы ангелочки для начала попробовали этот способ на себе, раз уж им так не терпится побыстрее изгнать демона в другой мир.

А демон подхватил и эту мою обиду тоже — начал вторить ей, вещая о том, что ангелы безжалостны, бессердечны и бессовестны. Пробыв в шкуре сестрёнки даже меньше двух дней, я отчётливо поняла, почему она хотела свести счёты с жизнью. У меня тоже появилось непреодолимое желание плюнуть на всё ради благословенной тишины, но я не позволяла себе думать так, поскольку от моей выдержки зависела Алискина жизнь. Если я откажусь от своих намерений и оставлю это тело, что произойдёт? Валентин Артемьевич сказал, что энергия души удерживает демона в ловушке. Без неё всё, что было сделано раньше, утратит всякий смысл, потому что мерзкий демонюка просто сбежит. Беременность останется, но её невозможно будет сохранить, ведь на этого ребёнка в полной мере перенесены душевная пустота Сергея и его обязанности проводника — непосильная ноша для трёхмесячного зародыша. И Алиска жить не хочет. Её душу можно будет вернуть обратно в тело, но эта душа уже стре-

мится в другом направлении. Сейчас у меня есть шесть месяцев на то, чтобы попытаться вразумить сестру, а если я всё брошу, времени на её спасение уже не останется. Даже если предположить, что Воронцов будет добросовестно ухаживать за бездушным овощем, пока я стану убеждать привязанную к телу бесплотную душу в необходимости жить дальше, то закончится это всё равно плачевно. Алиске нужно видеть, что кто-то пытается присвоить её собственность. Она будет бороться только в том случае, если увидит, что я пользуюсь её телом, руковожу её бизнесом, заменила её в супружестве и получаю всё то, что должна получать она. Это её разозлит, а злость — в данном случае лучший стимул. Наверное. Полной уверенности нет, но я всё-таки знаю и понимаю свою сестру больше, чем кто-либо другой.

По дороге в Цюрих меня укачало, хотя Сергей водит автомобиль очень аккуратно. Аэропорт показался слишком суетливым и шумным. В самолёте тоже было плохо, но я терпела и не жаловалась, потому что никто не заставлял меня принимать страдания за сестру. Потом мы ещё четыре часа добирались из столицы в родной город. Всё это время Воронцов деликатно проявлял заботу, но не навязывался, а только бросал в мою сторону хмурые взгляды и недовольно поджимал губы. Он ведь всё понимает. Алиска стремительно сходила с ума у него на глазах. Теперь в её теле я, но видит-то он по-прежнему её. Винит себя, мучается. Так ему и надо на самом деле. За всё нужно платить, в том числе и за освобож-

дение от миссии, назначенной при рождении.

В его квартиру-студию мы попали только в десятом часу вечера. К этому времени я наконец-то прочувствовала на себе, что означает выражение «валиться с ног». Вроде бы и не делали ничего, чтобы так устать, но путешествия, оказывается, способны отнимать очень много сил.

— Ты голодная? — заботливо поинтересовался Сергей. — Я закажу что-нибудь готовое, а завтра закупимся в магазине.

— У тебя в квартире всего одна кровать. С этой минуты она принадлежит мне, а ты будешь спать на диване, — заявила я в ответ, скинула обувь и куртку и потопала к упомянутой кровати.

Воронцов молчал пару минут, поскольку не был готов к столь бесцеремонному захвату его территории, но всё-таки сделал вид, что согласен с моим решением. А мне его постель после всех пережитых перелётов и переездов показалась самой лучшей и удобной мебелью в мире. Большая кровать, мягкая. Постельное бельё хоть и чёрное, но приятное на ощупь. Днём кто-то приходил из клининговой агентства — проветрили квартиру, убрали пыль, заменили простыни, включили отопление. Тепло, уютно, привычно даже, потому что раньше я здесь уже бывала. Не нравилось только, что с портретов на стенах на меня смотрят больные дети, но это ведь не моё жилище. Я тут временный гость. Если потом Алиса захочет остаться с Воронцовым и жить здесь, то сама всё поменяет на своё усмотрение.

Из еды я попросила что-нибудь лёгкое и фрукты. Через час получила горячий ещё суп-пюре, большую миску овощей и апельсин. Весь этот час ожидания просто валялась на кровати, пока Сергей разбирал свои чемоданы и принимал душ. Слушала стенания демона обиды и размышляла о том, хочу ли я позвонить маме. Теперь у меня есть телефон и возможность тыкать пальцами в кнопки. Могу разговаривать с мамой и папой в любое время, когда захочу. Если уговорю Воронцова съездить к ним, то смогу ещё и обнять родных — узнаю наконец-то, каково это. Я теперь вообще много чего могу из того, что не могла раньше, но свободы от этого больше не стало. Ничего своего у меня по-прежнему нет, кроме желаний и целей.

— Устала? — сочувственно спросил Сергей, наблюдая за тем, как я вяло перемешиваю ложкой суп.

Я посмотрела на него в ответ и промолчала. Глупый вопрос. Конечно, я устала. Меня два дня назад засунули в чужое тело, ограничили в возможностях, познакомили с множеством неприятных ощущений, отдали мой разум на растерзание болтливому демону, а потом ещё и вынудили почти сутки менять одно транспортное средство на другое, чтобы вернуться домой. Я до той деревни в Швейцарии гораздо быстрее и проще добралась, когда была бестелесным духом. Всего несколько часов на это потратила, не ощущая ни голода, ни холода, ни духоты, ни тошноты, ни чего-либо ещё. Я не умею быть живым человеком. Мне тяжело и страшно.

Ещё и обстоятельства такие, что оптимизму и бодрости тела и духа взяться просто неоткуда.

— Валентин сказал, когда Алиса проснётся? — прозвучал следующий вопрос, отбивший у меня аппетит напрочь.

— Скоро, — ответила не без грусти и отодвинула от себя тарелку. — Как по мне, то лучше бы она спала до победного конца, а потом очнулась уже в собственном теле. Тогда я смогла бы свалить все проблемы, связанные с её пробуждением, на тебя. Это было бы честно.

Он тоже заметно погрустнел, хотя и до этого разговора не выглядел жизнерадостным.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил искренне.

— Не знаю, — призналась я. — Я не видела, в каком состоянии сестра была до того, как ангел предпочёл лишить её сознания, поэтому не могу судить, насколько всё поправимо или безнадёжно.

— Я видел, — сообщил Воронцов. — После свадьбы она выглядела подавленной и расстроенной. Со мной почти не разговаривала, достопримечательностями на свадебном маршруте не интересовалась, но с удовольствием ходила по магазинам. Когда приехали к Валентину, она злилась, потому что в маленькой деревне ни одного приличного магазина нет.

— Это вполне в её стиле, — усмехнулась я.

— Ну да, — согласился он и продолжил: — Валентин рассказал мне подробно про демона и о том, почему моя жизнь

почти с самого начала была похожа на бесконечный кошмар. Сказал, что это можно исправить, но нужна будет жертва с моей стороны.

— Ребёнок.

— Да.

— И ты сразу же согласился, — упрекнула я.

— Не сразу, — возразил он. — Можешь считать меня сволочью, я это заслужил, но в том, что касается детей, у меня всегда были особые и очень строгие принципы. Если бы речь шла только о моём дальнейшем благополучии, я бы даже думать не стал. Проблема одержимости решается быстро и просто, а твоя сестра стала бы вдовой и получила всё, о чём мечтала. Я сделал бы это, не сомневайся. Смерть меня не страшит. Испугало то, что Потапова кормит этого демона и выбирает для него пищу на своё усмотрение. Она же больная на всю голову. Если угрожала сжечь детский дом, то вполне могла одарить всех детей там демоническими метками, разве нет? У сирот много обид, я это по себе знаю, а демону только это и нужно.

— Это ангел тебе так сказал? — догадалась я.

— Он намекнул, а выводы я сам сделал, — признался Воронцов.

Я понимающе кивнула. Коварства ангелам, конечно, не занимать — знают, как правильно надавить на больное, чтобы добиться желаемого результата. Ребёнок, которого ещё даже нет, имеет гораздо меньшую ценность, чем десятки си-

рот, к которым Сергей питает весьма сильные чувства. Не шантаж, но качественная провокация. Естественно, он согласился. Переступил через свои принципы, заведомо признал за собой вину, но в омут дальнейших страданий бросил мою сестру, а не себя.

— Алиса не имела к этому всему вообще никакого отношения, — напомнила я.

Он посмотрел на меня виновато и вздохнул.

— Не имела, да. А ты видела брачный контракт, который она составила? Он больше на завещание похож с моей стороны.

— И ты решил, что имеешь право поквитаться с ней за то, чего она ещё даже не сделала?

Тяжёлый получился разговор. Долгий и неприятный. Я нападала, Воронцов защищался, а изначально заданная тема была благополучно забыта. Обменивались колкостями добрую половину ночи, а до главного так и не дошли. Зато я убедилась в том, что Сергей и правда искренне чувствует себя виноватым перед Алисой. После всего, что должно случиться, он не бросит её. Будет заботиться. Отпустит, если она сама захочет уйти. Удовлетворит все её финансовые требования, сколь бы драконовскими они ни оказались. Сделает всё, о чём она попросит. Это благородно и справедливо, да, но для начала нам троим нужно как-то пережить всё, что будет «до».

«Он лжец. Только притворяется добреньким и несчаст-

ным. Не верь ему. Предавший однажды обязательно предаст снова. Он убьёт твою сестру. Уже почти убил её, а ты ищешь для него оправдания. Он заслуживает смерти, а не снисхождения. Ты всё равно никого не спасёшь. Оставь это. Отпусти меня, а я в благодарность за твою доброту поквитаюсь с ним за всё зло, которое он совершил», — не умолкал болтун в моей голове.

— Воронцов, а где Алискин телефон? — вспомнила я о важном.

— У меня, — прозвучало в ответ.

— Мне нужны телефон, наушники и какая-нибудь очень громкая музыка. Тяжёлый рок, например.

— Алиса не…

— Я не Алиса.

Он даже не спросил, для чего мне нужна громкая музыка — сам всё понял. Выдал телефон и наушники, включил в плеере подборку. Я тоже не особенно люблю рок, но мне нужен непрерывный шум, чтобы заглушить голос демона.

— У меня есть снотворное, — осторожно предложил Сергей альтернативу.

— Спасибо, обойдусь, — отказалась я.

Сунула в ухо орешек наушника, проверила эффект — жуть, конечно, но вроде бы помогает. Приняла душ, переоделась, забралась под одеяло, впустила в свою голову какофонию непривычных звуков, закрыла глаза и, как это ни удивительно, сразу же заснула — хорошо так, крепко и без

кошмаров, но ненадолго, потому что мерзкий демон быстро придумал другой способ мучить меня. Низ живота скрутило такой дикой болью, что о блаженном сне сразу же пришлось забыть.

— Воронцов! — позвала сдавленно. Но он, гад, уже спал, поэтому пришлось собраться с духом и заорать погромче. — Воронцов!

Он сразу же оказался рядом — сонный, взъерошенный, растерянный, напуганный, одетый в одни только трусы-борцовки.

— Что такое? Тебе плохо? Скорую вызвать?

— Нет, — простонала я. — Помоги одеться и отвези меня на Заречную.

— Куда? — непонимающе переспросил он.

— К одному старому козлу, который крупно мне задолжал.

Сергей моргнул несколько раз, усваивая задачу и сбрасывая с себя остатки сна. Потом действительно помог мне одеться и оделся сам. Довёл до машины, бережно усадил на пассажирское сиденье и переспросил:

— Может, всё-таки в больницу?

— Нет, — отрезала я. — Вакцину против демонов ещё не изобрели. Поехали уже.

И мы поехали — к старику Самохвалову, которому после похорон сестры и брата живётся, на мой взгляд, слишком уж спокойно.

Глава 5

Три часа ночи. На дорогах — традиционный мартовский гололёд. В городе улицы расчищены и посыпаны специальной смесью, а до Заречной снегоуборочные машины, похоже, за зиму так ни разу и не доехали. И песка с солью на эту улочку в частном секторе явно не хватило. Воронцов пару раз смачно выругался, пока вёл авто по ледяным ухабам к дому номер семнадцать, а я успела принять важное для себя решение — когда обрету собственное тело, водительское удостоверение получать не буду.

— Ты как? — спросил Сергей встревоженно, припарковав наконец-то автомобиль у ворот упомянутого дома.

— Ну-у-у… — неуверенно протянула я. — Ты точно не пытался только что вытряхнуть из Алискиного тела мою душу?

Живот болеть перестал, но голос демона вернулся, поэтому чувствовала я себя немногим лучше, чем пару часов назад. И в туалет по-маленькому хотелось так, что у меня снова появились сомнения в необходимости иметь телесную оболочку.

— Зачем тебе Самохвалов? — спросил Серёжа хмуро.

— А, так вы знакомы? — сощурилась я, отстёгивая ремень безопасности и чувствуя, что напружу прямо на сиденье, если немедленно не найду укромный уголок. И плевать

на совесть — лучше пусть лопнет она, чем мочевой пузырь.

— Не лично, но наслышан. Савелий о нём упоминал, — ответил Воронцов и нахмурился ещё сильнее. — С тобой точно всё в порядке?

— Нет. Меня сейчас разорвёт, — бросила я через плечо, выскочила из машины и спряталась за ближайшим, подтаявшим уже сугробом.

Никогда бы не подумала, что от банального удовлетворения естественных потребностей организма можно получать истинное удовольствие, но для меня пока многое было в новинку. Воронцов тоже вышел из машины и топтался рядом с ней, дожидаясь моего возвращения. В одном из дворов где-то рядом громко лаяла собака, разбуженная нашим появлением. Свет в окнах дома номер семнадцать не горел, но бледно-зеленоватый магический барьер никуда не делся, а я ощущала присутствие за ним ауры Максима Самохвалова.

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — напомнил Сергей. — Зачем мы сюда приехали?

— Сейчас узнаешь, — пообещала я, возвращаясь к авто.

Звонка на калитке у этого дома нет, сама калитка заперта изнутри. Она железная — если стучать, весь район проснётся. Я осмотрелась, нашла под ногами не слишком крупный, но увесистый кусок льда и швырнула его в одно из тёмных окон. Туда же полетела вторая льдинка, третья, четвёртая… За шторой наконец-то вспыхнул свет. Тёмная тень приблизилась к окну, сдвинула плотную ткань в сторону, застыла

ненадолго, а потом начала удаляться.

— Проснулся, — злорадно констатировала я и вытерла ладони о куртку.

Через пару-тройку минут засияла лампочка и над крыльцом тоже. Со двора донеслись шаркающие шаги и сердитое бормотание на тему «шляются по ночам всякие, спать не дают». На калитке лязгнул внутренний засов. Железная дверка приоткрылась, и сонный голос спросил:

— Вам чего не спится, люди добрые?

— Не добрые, — возразила я и дёрнула калитку на себя, из-за чего Самохвалов буквально вывалился за пределы своего двора и упал в объятия Воронцова.

Сергей помог старику принять вертикальное положение и вежливо поздоровался, а я скрестила руки на груди, насколько это позволяли толстые рукава тёплой куртки, и вызывающе уставилась на своего старого знакомого.

Он как-то сразу весь скукожился. Окатил меня с шапки донизу внимательным взглядом, долго смотрел на безвольно болтающуюся в воздухе рядом со мной Алису, потом присвистнул и констатировал:

— О как!

— Да-да, — согласилась я тоном, не предвещающим для него ничего хорошего. — Именно так. Здесь поговорим, или ты барьер уберёшь и в дом нас впустишь?

Самохвалов попятился обратно за калитку, но Сергей проявил инициативу и отрезал ему этот путь к отступлению.

— Не впущу! — пискнул старик. — Мне потом сил не хватит дом очистить. В тебе ж демон сидит! Зачем явилась? Мстить за то, что правду не сказал?

— Мстить? — переспросила я. — Слишком велика честь для таких, как ты. Думаешь, что если Миланья наконец-то умерла, то все ваши долги списаны? Нет уж. Я от тебя теперь не отстану. Мне нужно, чтобы в ближайшие полгода этот демон молчал. Без разницы, как ты этого добьёшься, но всё, что сделано ангелами, должно остаться в сохранности.

Самохвалов удивлённо моргнул и предложил:

— Да просто покорми его.

— Как? — заинтересовалась я.

— Нельзя кормить, — вмешался Воронцов. — Нужно, чтобы он терял силу, а не сохранял.

Старик почесал указательным пальцем шею и задумчиво хмыкнул, а я заметила, что он снова вышел на улицу без штанов — наверное, так встречать гостей для него вполне нормально.

— Ну я не знаю тогда, чем вам помочь, — прозвучало растерянно. — И это всё меня вообще больше не касается.

— Ещё как касается! — возразила я. — Серёж, суй его в машину. Поедем к Ане, и пусть они вдвоём решают, как облегчить мне жизнь.

— Никуда я… — начал Самохвалов, но Сергей уже поймал его за ворот фуфайки.

С юридической точки зрения это называется похищени-

ем, но я в тот момент и на убийство была способна, если бы это избавило меня от голоса в голове. Серёжа порадовал, конечно, — послушный такой, как телохранитель, которому платят за то, чтобы он приказы выполнял.

«Покормить! Да! Я голоден! Очень голоден!» — вопило демоническое безобразие, сводя меня с ума. А скоро ведь ещё и Алиса очнётся. С двумя источниками стресса я точно не справлюсь.

— Люди! На помощь! — заорал старик, но Воронцов что-то шепнул ему на ухо, и сразу же стало тихо.

— Что ты ему сказал? — спросила я после того, как добрый волшебник был усажен на заднее сиденье, а Сергей сообщил мне, что это противозаконно.

— Компенсацию пообещал за беспокойство, — прозвучало в ответ.

Я подумала, что компенсация должна быть очень большой, если обещание сработало так быстро и качественно. Или Воронцов соврал — от денег ведь можно отказаться, а Самохвалов согласился моментально, не торговался и выглядел скорее сконфуженным, чем довольным сделкой. С другой стороны, способ достижения цели в данном случае никакого значения не имел. Главное, что старик не издал ни звука за всё время, потраченное на поездку за город, и выпрыгнуть из салона на ходу тоже не пытался, хотя Сергей двери не заблокировал.

Адрес Ани Афанасьевой Серёжа не знал. Я объяснила, ку-

да нужно ехать, и на протяжении всего пути злорадствовала, поскольку призрачно-бесчувственная Алиса маячила позади меня рядом с Самохваловым, а старикана это нервировало. Ну и пусть. Это его проблемы. Меня интересовал только результат — две головы ведь лучше одной, и у дуэта ангела и колдуна должно найтись решение моей проблемы.

У Аниного дома мы припарковались в шестом часу утра. Она уже не спала, поскольку я позвонила ей и предупредила, что мы едем в гости. Номер её телефона нам дал Валентин Артемьевич для поддержания постоянной связи, а Серёжа заботливо внёс его в Алискин список контактов ещё до нашего возвращения в Россию. Столь ранний утренний визит мало кому способен доставить удовольствие, но именно этот ангелочек был очень рад меня видеть хотя бы из любопытства. И у неё обязанности ведь заботиться обо мне и о благополучном исходе общего дела, поэтому отказать она не посмела бы.

— Воронцова ты знаешь, а это Максим Самохвалов. Потомственный колдун и брат Миланьи. Я тебе о нём рассказывала, — представила я своих спутников Ане, когда она вышла к калитке, чтобы встретить нас и проводить в дом.

— А почему колдун без штанов и в шлёпанцах?

Вопрос прозвучал шёпотом и был адресован только мне.

— Потому что его гордость и достоинство интересуют меня сейчас гораздо меньше, чем способности, — ответила я вполголоса. — Мне нужна помощь. Если для того, чтобы её

получить, нужно выгулять неглиже половину населения области, я сделаю это без зазрения совести и сожалений.

Аня понимающе кивнула. Самохвалов всё это время беззастенчиво таращился на неё и неуверенно улыбался, поскольку увидел настоящего ангела впервые. В доме он сразу же получил во временное пользование спортивные штаны из запасника Владимира Павловича Афанасьева, после чего улыбаться стал гораздо увереннее и с искренней благодарностью по отношению к благодетельнице.

— Я к вам первым утренним автобусом ехать собиралась. Специально сменами поменялась на работе, — сообщила мне Анюта. — Чай, кофе?

Воронцов попросил кофе. Я остановила свой выбор на чае, как и Самохвалов. Организовав нам горячие напитки и лёгкий перекус, Аня наконец-то визуально оценила плоды стараний своего европейского коллеги и не без уважения констатировала:

— Круто. Я бы до такого не додумалась даже. Валентин энергией твоей души обеспечил питание клетки для демона, чужой плоти и духа хозяйки тела, распределив потоки так, чтобы они не влияли друг на друга. Ювелирная работа.

— Топорная, — неожиданно возразил Самохвалов.

Мы втроём удивлённо уставились на него, а он без тени смущения начал объяснять свою точку зрения. Всё можно было сделать совсем по-другому, сэкономив затраты моих магических сил. Во-первых, дух Алисы и без постороннего

вмешательства был прочно связан с её телом, и в нынешнем состоянии моя сестрёнка навредить себе никак не может. Дополнительная связь, идущая от меня в этом направлении, не играет никакой роли, а лишь расходует бесценную энергию на то, что могло бы существовать само по себе. Во-вторых, телу для жизни нужно не так уж и много. При подобном существовании естественные нужды оно справляет само и требует только достаточного питания. Поскольку моя душа уже находится внутри него, я на правах подселенца могу контролировать эти естественные процессы без особых усилий, а затраты на это ещё и магических сил просто излишни. А вот клетка как раз требует большего, чем в неё вложено. Она создана ангельской силой и ею же должна поддерживаться, но её питаю я, поэтому расход энергии в разы превышает то, что было бы потрачено ангелом. Проще говоря, Валентин Артемьевич банально переложил на меня свои обязанности, чем добавил мне соответствующих проблем.

— Такой умный? — обиделась Аня на подобную критику в адрес её коллеги. — Вы с сестрицей этого демона полвека кормили. Что же сами не поймали его, а?

— У нас ангельской силы отродясь не было, а обычной человечьей такое зло не удержишь, — парировал Самохвалов. — У вас-то возможностей побольше, да? Знали про демона, но не вмешивались, а он не полвека ведь существует. Ждали, пока кто-нибудь за вас вашу работу выполнит? А теперь что? Зачем над девчонками так издеваться? Оно ведь со стороны

так выглядит, будто без разницы вам, что дальше случится. Не выйдет ничего — ну и ладно. Можно неудачу свалить на срочность принятого решения и отсутствие опыта в таких делах. А пострадает кто? Не вы же. Жизнь ангела бесценна, а другими можно и пожертвовать, да? Так получается?

Я не ожидала от него ничего подобного. Только что улыбался благоговейно, а теперь обвинения выплёвывает со скоростью и беспощадностью пулемёта. Видать, сильна в нём обида на ангелов за то, что не вмешались, когда Миланье их помощь ой как пригодилась бы.

Они начали спорить о возможностях и степени ответственности ангелов и простых магов, а мы с Сергеем молча слушали это всё, пока у меня не лопнуло терпение.

— Уважаемые, а можно словесные баталии немного отложить, а? — попросила страдальчески. — У меня в голове громкоговоритель, который не затыкается ни на минуту, но вы не помогаете, а только хуже делаете. Давайте сначала эту проблему решим, иначе я психану, всё вернётся на свои места, а долг Самохваловых перед этим демоном не погашен же.

— Погашен! — возразил старик.

— Это ты так думаешь, — ответила ему Аня. — У демона своё представление о том, кто и что ему должен. Вы позволяли ему кормиться, это было удобно, поэтому от вашей семьи он точно теперь не отстанет, а новое поколение потомственных магов Самохваловых уже есть. И плевать, что Миланья

от вас отреклась. Это зло не по крови должников выбирает, а по возможностям.

Они цапались ещё с полчаса, после чего я наконец-то получила вразумительный ответ на свой вопрос — проблема решаема, но обсуждать решение в моём присутствии никто не будет, поскольку через меня демон всё слышит. Я ушла в соседнюю комнату, прилегла там на диванчик, сунула в уши наушники, включила музыку и принялась ждать. Через пять минут снова начало тянуть живот, поэтому пришлось искать другой способ не слышать угроз, которые звучали теперь в моей голове гораздо громче. Этот демон не такой глупый, каким его считают ангелы. Он всё понимает. И ему тоже хочется жить.

«Если бы по твоей вине не гибли люди, никто тебя не трогал бы. Сам виноват, потому что жадный. Мало тебе было призраков, которые сами появляются. Хотелось большего и почаще, вот и нарвался на неприятности. Прости, дорогой, но я не могу тебя отпустить. Из-за тебя мой племянник обречён умереть при рождении, а я злопамятная», — попыталась прервать его вопли хотя бы ненадолго.

Он и правда умолк, а потом заговорил снова, но уже тише.

«Сделка. Предлагаю сделку. Ты меня отпустишь, а я сделаю так, что этот ребёнок выживет».

«И как ты это сделаешь?»

Спросила просто потому, что диалог показался мне более приятным времяпрепровождением. Отпустить — это я могу.

Просто выйду из Алискиного тела, клетка утратит поддержку, а демон получит возможность сбежать. Ангелы рассчитывают исключительно на мою выдержку, совесть и желание избавить мир от этого зла. Они и правда ничего не делают сами, но я, в отличие от Самохвалова, понимаю, почему Валентин Артемьевич не питает свою ловушку собственной ангельской силой — для того, чтобы увести демона за границу миров, ему потребуется вся эта сила, её нельзя тратить. И я признаю важность и ценность его жертвы. Если не избавиться от зла сейчас, когда есть такая возможность, дальше будет только хуже. Знать, что имена дорогих тебе людей включены в список неизбежных жертв, неприятно и обидно, но кто-то ведь должен пройти через это, чтобы в будущем беда не коснулась других. Героев мало, и я тоже не из их числа, но всё уже случилось. И я знаю эту сторону жизни, поэтому готова к лишениям. Жаль только Алиску. Я без сожалений заняла бы её место в этой жестокой игре, но, увы, такой возможности у меня не было. Собственную телесную оболочку не могу дольше часа удерживать — какая от этого польза?

А демон продолжал свою проникновенную речь.

«Младенец умрёт не из-за меня, а потому, что ангел засунул в его душу то, что даже не каждый взрослый способен выдержать. И не в душевной пустоте причина, а в обязанности уводить заблудившиеся души в мир иной. Ребёнку это не под силу. Пока он в утробе матери, защищён от многого, но как только сделает первый вдох, неупокоенные хлынут к

нему толпой и будут требовать помощи. Напугают его, и этот ужас остановит маленькое сердечко».

«Если я тебя отпущу, для него ничего не изменится. Обязанности проводника персональные, их даже ангел не без усилий смог перенести с одного человека на другого».

«Не без усилий? Ты в самом деле веришь в это? Обязанности проводников тоже ангельские, просто в этом никто не хочет признаваться. Ангелы бессовестные. Они перекладывают большую часть своей работы на обычных людей и делают вид, что так и должно быть. Говорят, что это дар и важная миссия, но для дара нужен даритель, не так ли? Кто подарил твоему Воронцову эту обузу? Кто передарил её нерождённому ещё младенцу? У кого достаточно власти, чтобы так поступать?»

«А у тебя её достаточно? Если отпущу, ты сможешь принять эту обязанность на себя?»

«Да, смогу. У меня для этого достаточно сил, но только сейчас. Я слабею. Если так продолжится, то уже никому не смогу помочь. Не трать время на сомнения. Решай быстрее».

Врёт без зазрения совести. Демон не может быть проводником — Аня говорила мне об этом ещё до того, как я помчалась в Швейцарию спасать сестру. Проводник обязательно должен быть живым человеком, потому что путь к границе миров можно найти только через смерть. И этот путь предназначен лишь для душ, по какой-либо причине задержавшихся в этом мире, но не для призраков, коим изначаль-

но являлся демон обиды. В то, что ангелы частично переложили свои заботы на плечи обычных людей, я поверить могу, да, но не во всё остальное.

Ответить на предложение демона не успела, потому что меня позвал Сергей.

— В общем так, Алён, — начала Аня. — В обозримой перспективе Максим Егорович найдёт подходящего призрака и покормит демона. Как это сделать в обход оков, я ему уже объяснила, но в первый раз лучше всё провернуть в моём присутствии, чтобы был контроль. До тех пор придётся потерпеть. Это несколько дней всего. Я папу подключу, он поможет с поисками. Продержишься ещё немного?

— А у меня есть выбор? — спросила я.

«Есть! Ты можешь отпустить меня прямо сейчас!» — заявил демон.

— Боюсь, что нет, — сочувственно ответила девушка-ангел.

«Не дави на меня. Если будешь торопить с решением, точно ничего не добьёшься», — мысленно сообщила я демону, а вслух, для прочих присутствующих, сказала:

— Ладно, я потерплю.

И подумала о том, что Аня тоже не захотела использовать свою ангельскую силу для решения моих проблем, а переложила эту ношу на плечи Самохвалова. Наверное, для ангелов нормально так поступать. У каждого из них своя работа, своё предназначение и своё собственное мнение о том,

насколько необходимо вмешательство. Всё это в корне противоречит моим прежним представлениям об ангелах, но я уже начинаю привыкать к тому, что никто в этом мире не обязан соответствовать чьим-то ожиданиям. Даже ангелы. К демонам претензий нет, потому что зло — оно всегда зло, к нему невозможно относиться предвзято.

По пути обратно в город старик Самохвалов продиктовал мне номер своего телефона, чтобы впредь я могла заранее сообщать о визитах. На бесцеремонное отношение не пожаловался, иначе я напомнила бы ему о том, чьими стараниями демон обнаглел донельзя. Отвезли его на Заречную, вернулись в квартиру Сергея, а там я предложила Алискиному мужу:

— Поспи хотя бы ты, Серёж. Один из нас должен оставаться в здравом уме, чтобы второй мог пережить весь этот кошмар. Мне уже легче, не волнуйся. После того, как вы пообещали демону еду, он немного успокоился.

— Правда? — недоверчиво спросил Воронцов.

«Нет», — мысленно ответила я.

— Правда, — сказала вслух.

Он посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом, а потом обнял — осторожно и неуверенно, но по-настоящему. До этого момента меня никто и никогда не обнимал. Я лишь видела, как это делают другие. Непривычное ощущение, странное. Не то чтобы неприятное, но оно вызвало у меня чувство неловкости, ведь это тело принадлежит Алисе,

а не мне. Для кого эти объятия — для меня или для неё?

— Прости, — прозвучало шёпотом где-то над головой.

— Это… Это как? Что здесь происходит?! — зазвенел сбоку Алискин голос.

«Ну началось. Раньше жизнь казалась беспросветной, а теперь прежний мрак будет казаться ослепительным сиянием», — подумала я обречённо и обняла Воронцова в ответ, чтобы сестра видела, как я отнимаю всё, что должно принадлежать ей.

Глава 6

Алиса любит красное, а я — зелёное. Ей нравятся тесные, подчёркивающие фигуру вещи, а мне — свободные. Перед сном она соблюдает целый косметический ритуал с кремами, тониками и массажем лица, а мне достаточно просто умыться и почистить зубы, потому что косметикой я не пользуюсь. Мы разные во многом, особенно в предпочтениях и ценностях, но она всё-таки моя сестра. Ей обидно и страшно. Её втянули во что-то непонятное, ограничили в свободе, заперли в четырёх стенах, наградили беременностью, которой она не желала, вынудили терпеть неумолкающий голос демона, а теперь ещё и вышвырнули за пределы собственного тела, оставив возможность лишь видеть, как им пользуется кто-то другой. Сначала я планировала игнорировать сестрёнку и только наблюдать за её поведением, но я же не бессердечная. Алиска даже заплакать теперь не может. У неё остались только эмоции, больше ничего нет. Навредить себе она не в силах, но спятить окончательно — запросто. Мне проще, потому что я появилась на свет уже бесплотным духом и могла лишь мечтать о полноценной жизни, а у моей сестрёнки нормальную жизнь безжалостно отняли, не дав взамен ни объяснений, ни положенного мёртвым покоя.

Моей выдержки хватило минут на тридцать. Демон в голове бубнил непрестанно, что всем будет только лучше, если

я его отпущу, а моей сестре — в особенности. И ещё он пытался привлечь к себе внимание Алисы, но клетка, созданная из ангельской силы, обеспечивала ему доступ к разуму лишь того, чья душа на данный момент владеет Алискиным телом — проще говоря, на текущий момент общаться он может только со мной. Сестрёнка билась в истерике, полагая, что умерла и стала призраком, а Воронцов сладко спал — ему хорошо, он ведь теперь далёк от всего потустороннего. Можно было бы разбудить его и сказать, что Алиса очнулась, но я этого не сделала. Просто ушла в ванную, утащив туда же сестрёнку — там хотя бы дверь есть, а пространства достаточно, чтобы бесплотный дух оставался рядом со мной и мог меня слышать.

— Ты не умерла, успокойся, — раздражённо попросила сестру.

Слушать одновременно и её душераздирающие жалобы на вселенскую несправедливость, и голос демона было просто невыносимо.

Осознав, что я разговариваю с ней, Алиса умолкла. Некоторое время она просто смотрела на меня, а потом с претензией осведомилась:

— Ты тот, кто говорил в моей голове, да?

— Нет, — возразила я, присев на край ванны. — Я та, кто теперь слышит то же самое, что слышала ты. Можешь считать это временной мерой, необходимой для того, чтобы ты не сошла с ума бесповоротно и не пыталась свести счёты с

жизнью. Ты ведь любишь жизнь, да? Деньги, красивые вещи, вечеринки, всеобщее внимание…

— Что ты такое? Как забралось в моё тело? Почему теперь там ты, а не я? Это галлюцинация. Помешательство. Так не бывает. Мне это снится. Я сплю и вижу это всё во сне.

Кажется, в психологии это называется отрицанием — первая стадия принятия неизбежного. Её продолжительность бывает разной, всё индивидуально, а за ней последуют гнев, торг, депрессия и собственно принятие. Возможны откаты в виде возврата от последующих стадий к предыдущим. Вероятно длительное «застревание» где-то на этом пути, но оно может и не случиться. Не помню, кто и для чего выделил эти ступени, но отрицание — это, наверное, самый сложный этап. До Алиски ведь сейчас не достучишься. Она будет верить тому, что видит, и своему пониманию ситуации. Пять минут назад думала, что умерла, а теперь решила, что просто спит и видит кошмар — как убедить её в том, что всё по-настоящему? Как объяснить обычному человеку, что подселение и переселение душ вполне возможны? Как доказать, что существуют демоны, ангелы, магия и всё прочее сверхъестественное? Как успокоить того, кто смотрит на себя со стороны в прямом смысле этого слова и свято верит, что это невозможно? Рассказать ей о её же прошлом? Так ведь она решит, что это её собственные воспоминания и игра воспалённого разума.

Изначально я хотела вызвать в ней зависть и злость, что-

бы эти чувства встряхнули Алису как следует и вернули её рассудок в норму, а теперь поняла, что такой план приведёт к обратному результату. Я сильнее. Я многое могу вынести, потому что у меня есть понимание и цель, а сестра не сможет. В детстве и юности у неё было множество комплексов, случались депрессии, сейчас даже психолог есть личный, потому что сама Алиска не справляется с давлением окружения на слабый характер — я же сломаю её окончательно, если пойду намеченным путём. Так нельзя. Нужно придумать другой план, но как его придумаешь, когда в распоряжении нет ни минуты тишины?

— Если скажу, что это всё сон, тебе легче станет? — спросила у неё сочувственно. — Даже не сон, а… Это кома. У людей в состоянии комы разные видения бывают. У тебя вот такое.

— Кома? С чего бы? — недоверчиво переспросила она, но по выражению её призрачного лица было заметно, что такое объяснение моя сестра принять готова.

— Вы с Сергеем на лыжах катались, помнишь? Ты сильно простудилась тогда. Поднялась высокая температура, начались бред и слуховые галлюцинации. Твой мозг включил режим самозащиты и создал эту иллюзию, чтобы болезнь в реальности не свела тебя с ума. Сейчас ты в больнице. Воронцов отвёз тебя в лучшую швейцарскую клинику и обеспечил необходимые лечение и уход.

— То есть ты…

— Плод твоего воображения. Всё, что ты видишь сейчас и слышишь, происходит не по-настоящему. Призраков ведь не бывает, да? И переселения душ тоже. Ты просто… Ну-у-у… Будто бы смотришь фильм, понимаешь? Не можешь вмешаться в события или что-то изменить, потому что на самом деле ничего этого нет. Я тоже ненастоящая. В этом необычном сне я играю твою роль и заменяю тебя, чтобы ты понимала, что всё это неправда. Тебя зовут Алиса, а я Алёна. Ты любишь алые розы, а мне нравятся хризантемы. Помнишь, к тебе в салон курьер однажды принёс коробку с хризантемами и открыткой для Алёны Бельской с предложением встретиться в полнолуние? Это была чья-то глупая шутка, но она отложилась в твоей памяти, поэтому подсознание создало сейчас этот образ с уже известным тебе именем. Я — это ты и не ты одновременно.

— Просто сон, — повторила она с сомнением в голосе.

— Да, просто сон, — соврала я. — Очень странный и неприятный сон, в котором тебе отведена роль лишь стороннего наблюдателя за тем, как кто-то другой пытается жить твоей жизнью. Когда проснёшься, всё вернётся на свои места, не волнуйся.

— Всё не по-настоящему?

— Ну конечно же нет. Разве в настоящем ты могла бы разговаривать сама с собой так, как сейчас?

— И Воронцов ненастоящий?

— Ну да, — подтвердила я уверенно. — Он в больнице,

рядом с тобой. Оплатил одноместную палату и не отходит от тебя ни на шаг.

— С чего бы ему так поступать? — усомнилась сестрёнка в моих словах. — Он меня терпеть не может. И хорошо, что это всё не по-настоящему, а то я уже успела поверить в то, что мы с ним переспали. И даже не один раз. Фу, ужас какой.

Вот она — моя Алиса. Ничего непоправимого с её рассудком не произошло. Стоило убрать самые сильные раздражители, как ей сразу же значительно полегчало. Она вышла замуж за Сергея с одной единственной целью — стать вдовой и наследницей всех его богатств. Сестрёнка готова принять то, что она заболела, угодила в больницу и пребывает в коматозном состоянии, но не тот факт, что перешла границы допустимого и совершила что-то неприемлемое.

— А беременность? — вдруг вспомнила она и уставилась на меня в ужасе. — Её тоже не было, да? Она мне приснилась? Тошнило от всего, критических дней не было, а этот мерзкий голос в голове…

— Алис, вы переспали. И ты была беременна, — решила я не делать ей поблажку в этом отношении.

— Была? — переспросила она брезгливо.

— Была, — кивнула я. — Сама подумай. Температура выше сорока на протяжении нескольких дней. В тебя цистерну антибиотиков влили, чтобы её сбить. Какая после этого может быть речь о беременности?

— То есть сейчас её уже нет?

— У тебя нет, а у меня есть.

— Как это?

— А вот так. Материнский инстинкт. Ты, наверное, не хотела этого ребёнка, но твоё подсознание твоим желаниям не подчиняется. Оно создало меня беременной, причём не обычным младенцем, а демоном, потому что ты именно так эту беременность и воспринимала. В этой маленькой ненастоящей реальности, Алис, есть ангелы, демоны, колдуны, призраки, ведьмы и много чего ещё. Для тебя оно ненастоящее, а для меня — очень даже.

— Это твои проблемы, — бросила мне сестрёнка беззаботно, подплыла к зеркалу, не увидела своего отражения, но нисколько из-за этого не расстроилась. — Меня здесь нет. Меня это всё никак не касается. Я лежу в больнице в Швейцарии под круглосуточным наблюдением врачей и скоро очнусь. Этот дурацкий сон кончится. Потребую у турагентства компенсацию, когда вернёмся в Россию. Я ведь имею на это право, да? Страховка есть, так что не отвертятся. Я. между прочим, ребёнка потеряла. За такое и засудить могу, если платить откажутся.

Я набрала в грудь побольше воздуха и тяжело вздохнула. Ладно, пусть так. Меркантильная Алиска лучше бьющейся в истерике. Стадии принятия неизбежного мы проскочили все разом, потому что принимать сестрёнке ничего особенного не нужно. Мне бы только продержаться эти шесть месяцев, родить демона и позаботиться об обратном переселении

душ, а потом Воронцов пусть сам объясняет своей жене, что это вообще такое было. Он дал согласие ангелам на это безумие — ему и разгребать последствия, а я благополучно умою руки и снова займусь самосовершенствованием. Наверное. Не уверена. Быть бесплотным духом не так уж и плохо, если подумать. Никаких обязанностей, никакой ответственности, никаких реальных проблем — ну красота же? Так существовать точно проще, чем жить в реальности, где каждый шаг и каждое слово обязательно влекут за собой что-нибудь непредсказуемое.

— Если это мой сон, значит, правила устанавливаю я, — решила Алиса и двинулась к выходу из ванной комнаты, но в шаге от двери будто наткнулась на незримое препятствие.

— Правила здесь устанавливаешь не ты, уж прости, — устало произнесла я. — Этим занимается не сознание, а подсознание, поэтому контроль невозможен. Мы с тобой обе застряли здесь и будем подчиняться неизвестным правилам, как бы сильно нам ни хотелось их изменить. А раз я существую в твоей голове, то избавиться от моего общества ты не можешь. Советую смириться с этим и не тратить время на то, чтобы доказать мне обратное.

Смирение — это не про мою близняшку. Она металась по ограниченному пространству радиусом в пять шагов справа налево и в обратном направлении, вверх и вниз, сквозь стены… Даже к соседям снизу, наверное, заглянула, потому что толщина плиты перекрытия между этажами не такая уж и

большая.

— То есть отойти от тебя дальше я не могу, — подытожила она, устав от бессмысленной беготни.

— Не можешь, — подтвердила я. — И если я куда-нибудь пойду или поеду, правила твоего подсознания потащат тебя за мной. Ты будешь видеть и слышать всё, что происходит вокруг, но видеть и слышать тебя могу только я. Ну и ещё несколько человек, я тебя с ними позже познакомлю. Воронцов в их число не входит, поэтому можешь вслух произносить всё, что думаешь о нём — для него это останется тайной. Но он знает, что ты существуешь, и в этой вымышленной реальности полагает, что у тебя имелась нерождённая сестра-близнец, которая раньше была призраком рядом с тобой, а теперь подселилась в твоё тело, чтобы пережить связанные с демоном страдания за тебя. И другие люди, которые вовлечены в мистическую часть этой истории, тоже так думают. Один из них колдун, а вторая — ангел. Все прочие персонажи проживают типичный для таких случаев сюжет и принимают меня за тебя.

Алиса хмуро сдвинула несуществующие брови, надолго умолкла, а потом уточнила:

— Это точно всё моим подсознанием придумано? Ну бред же полный.

— Ну не моим же, — насмешливо фыркнула я. — Твой сон отражает лишь то, что есть в твоей голове. Чем сильнее повреждён мозг, тем безумнее будут фантазии. В коме, зна-

ешь ли, пользы мало. От неё не только рассудок страдает. Все органы работают неправильно, а у этого есть последствия. Ты же читала об этом, помнишь? Необратимые процессы и всё такое.

Не знаю, почему мне вдруг захотелось её напугать. Наверное, из чувства справедливости. Я же за неё страдаю, вот пусть и она тоже пострадает немного. Я-то знаю, что ничего с её телом и здоровьем не случится, а она этого не знает. Волнение и лёгкое чувство тревоги ей точно не повредит.

— А проснуться, значит, никак нельзя? — уточнила она.

— Пока никак, — ответила я. — Да ты не переживай сильно. В несколько секунд сна мозг может уместить месяцы или даже годы вымышленной жизни. На самом деле я не знаю, сколько уже на самом деле времени прошло. Возможно, всё не так уж и плохо.

— Тебе легко говорить, ты всего лишь плод воображения, — огрызнулась она. — Знаешь, сколько усилий я потратила на то, чтобы выглядеть идеально?

— Знаю, — кивнула я. — О тебе, сестрёнка, я знаю всё как раз потому, что являюсь плодом твоего воображения. Могу даже сказать, кто именно был твоим первым мужчиной. И как ты потом сожалела об этом. И…

— Хватит! — отрезала она. — И не смей называть меня сестрёнкой. Я у родителей одна.

— Ладно, — согласилась я. — Если не возражаешь, я попробую вздремнуть. Позже ещё поболтаем.

Она возражала, но у меня перед глазами от усталости уже предательски плясали цветные мушки, предвещающие обморок, а не сон. Живому человеку нужно спать, а у меня теперь два постоянных источника стресса. И неизвестность впереди. Сергей говорил, что ему нужно будет днём съездить в офис по делам, а потом мы совершим набег на супермаркет и купим всё, что я захочу. Ох, как было бы здорово, если бы у нас в городе имелась лавка волшебных товаров, где улыбчивый продавец предложил бы мне универсальные заглушки для демонов и призрачных сестёр. Я бы купила все — с запасом на полгода.

«Обманула её, а каково ей потом будет узнать, что это была ложь? Считаешь её бессовестной и жестокой, а сама чем лучше? Я же предложил выход. Все от моей свободы только выиграют…»

— Умолкни, пожалуйста, — вежливо попросила я демона.

— Это ты мне?! — возмутилась Алиска.

Я страдальчески закатила глаза и упала на подушки, потому что сил не осталось никаких. А Воронцову хоть бы что — спит себе, сопит во сне, слюнку пустил на обивку дивана. Мне же завидно. Так я ещё и завистливой стану помимо всего прочего. Что мне потом делать со всеми этими недостатками? Сестре я их не верну же. И, если честно, предложение демона хоть и подстава, но теперь оно стало выглядеть ещё заманчивее. Кажется, я взвалила на себя слишком много, а

нагрузку не рассчитала.

Глава 7

Возможность говорить о Воронцове и вообще обо всех знакомых всё, что она о них думает, не опасаясь при этом последствий, превратили мою бесплотную сестрёнку в неиссякаемый источник яда. Как я и предполагала, она не любит никого, кроме себя. И, похоже, это неизлечимо.

Поспать мне, конечно же, снова не удалось, потому что Алисе нужен был собеседник. Зато я наконец-то узнала о её планах на обозримое будущее — Сергей сначала дождётся смерти Савелия Воронцова и вступит в наследство, а потом и сам умрёт от передозировки антидепрессантами, не выдержав горечь утраты. Алиса Никитична станет его безутешной вдовой. Унаследует всё состояние Воронцовых, продаст ненужное, а деньги оставит на банковских счетах под процентами. Кое-что будет вложено в её собственный бизнес. Тот маленький салон красоты, который у неё есть, — лишь стартовый эксперимент. Она всегда хотела большего, поэтому салонов точно будет несколько, но уже не в нашем захолустном городишке, а в столице. И спектр их услуг не будет ограничиваться стрижкой волос, наращиванием ногтей и всем тем, чем занимаются мастера салона сейчас. Это будет целый комплекс с финтес-залами, грязевыми ваннами, солярием, собственной клиникой и так далее. Туда будут приходить жёны высокопоставленных лиц, бизнес-леди, звёзды

шоу-бизнеса, знаменитые блогеры. Известность и популярность Алисы Воронцовой взлетит до небес. Она будет давать интервью издателям модных журналов и рассказывать им о своём долгом и сложном пути к успеху. Наймёт и воспитает несколько помощников, которые будут заниматься продвижением её бренда. Съездит куда-нибудь за границу, чтобы поделиться опытом с зарубежными коллегами. Возможно, выйдет замуж за какого-нибудь миллиардера, но это необязательно. Женщина может быть сильной, известной, влиятельной и успешной сама по себе.

— А почему Алиса Воронцова? — спросила я, балансируя на грани полусна и безумия. — Почему не Бельская?

— Бельские такой чести не заслужили, — услышала в ответ. — Что они мне дали?

— Жизнь, — предложила я ответ и продолжила: — Заботу, любовь, поддержку, начальный капитал для твоего салона. Когда ты болела даже обычной простудой, мама ночами не спала. Молилась, чтобы её единственная дочь побыстрее выздоровела. А папа последнее готов был отдать, лишь бы ты была счастлива.

— Это их родительский долг, — заявила сестрёнка, безразлично пожав плечами. — И они никогда меня не понимали. Папа всё время свою табуреточную фабрику навязывал, а мама только ныла. Я, конечно, благодарна им за то, что не бросили в больнице сразу после рождения, а выходили и вырастили, но этим их заслуги исчерпываются. А ты типа го-

лос моей совести, да? Если так, то просто помалкивай. Ты всё равно не существуешь и исчезнешь сразу же, как только я проснусь.

— Да без проблем, — согласилась я и улеглась на постели поудобнее.

А демон в моей голове продолжил стандартную песню:

«Вот видишь? С твоей сестрой всё в полном порядке. При таких амбициях и планах на жизнь разве станет она себе вредить? Моя вина, что довёл её до нехороших мыслей и действий, но если ты меня отпустишь, я вас больше никогда не побеспокою».

— Воронцов тоже тот ещё придурок, — звучало снаружи. — Если бы он не был таким высокомерным и не строил из себя невесть что, пожил бы подольше. Сам виноват. Я к нему со всей искренностью, а он что? С такой манией величия, как у него, в психушке лечиться надо. Принц недоделанный.

«Кто бы говорил о мании величия…» — подумала я.

И ещё подумала о том, что демон в чём-то может быть прав. В моральном плане с Алиской нормально всё, она вполне может вернуться в своё тело хоть прямо сейчас и благополучно жить дальше. Я ведь только ради её спасения согласилась на весь этот кошмар. Теоретически спасать уже никого не нужно. Могу отпустить зло на волю, сказать Ане, что не справилась, попросить прощения за это и уговорить её поменять нас с Алисой местами — мои страдания на этом закончатся. Что плохого? Разве я не могу быть эгоисткой,

которой хочется сохранить рассудок, а не жертвовать им во имя избавления человечества от порождения людских обид?

С другой стороны, всегда существуют «но», влияющие на решение. Если закрыть глаза на мистическую сторону проблемы и забыть о существовании ангелов и демонов, то реальность всё равно останется. Я не желаю Сергею смерти. Он поступил подло и неправильно, проявил малодушие, заставил мою сестру страдать, но разве она не обошлась с ним точно так же? Вышла за него замуж, планируя в скором времени стать вдовой и наследницей огромного состояния — это разве по-человечески? Кто из них больший негодяй? Воронцов мучился всю жизнь, не понимая причин, а теперь получил возможность жить нормально. Цена за это огромна, ужасна и будет лежать камнем на его сердце до последнего вздоха, но если поставить на место Серёжи любого другого человека, кто поступил бы иначе? Алиса точно не стала бы сомневаться — для неё жизнь ребёнка, которого ещё даже нет, вообще ничего не стоит. Я даже почему-то уверена, что сестрёнка легко и без сожалений избавилась бы даже от самой обычной беременности, чтобы фигуру не портить. Кто худший злодей? Один навредил, но искренне раскаивается и намерен расплачиваться за свой грех всю жизнь, а вторая фонтанирует фантазиями о том, как пойдёт по чужим головам навстречу своей мечте — кто из этих двоих больше заслуживает спасения?

Забавно, но всего за несколько дней моё отношение к про-

исходящему изменилось на почти противоположное. Я ведь хотела спасти сестру и вернуть всё на свои места, одновременно превращая жизнь Воронцова в кошмар в наказание за его жестокий поступок, а что теперь? Стоило Алиске очнуться, как мне сразу же захотелось спасать Сергея, а не её. И если я действительно хочу ему помочь, то отпускать демона никак нельзя. За те полгода, что есть у меня в запасе до родов, мне нужно во что бы то ни стало добиться развода. Когда сестра поймёт, что всё было по-настоящему, она, конечно, взбесится, но сейчас-то Алиса думает, что это всего лишь сон — не воспримет происходящее всерьёз. А Воронцов… Он же упёртый. Вбил себе в голову, что обязан искупать вину перед женой до конца своих дней, и ни за что не отступится от этих намерений.

«Что же мне делать? Как спасти их обоих без кровопролития и драм?» — размышляла я.

«Они оба злодеи. Плюнь на них и думай о себе», — советовал демон.

— Можно будет выкупить какой-нибудь дом отдыха на берегу моря или вообще построить новый SPA-отель конкретно под мои нужды… — рассуждала Алиса.

Сергей на диванчике перевернулся с боку на бок и сонно пробормотал что-то себе под нос. Я вдруг вспомнила о том, что после несчастного случая в магазине и травмы головы Воронцов тоже не мог спать. Боялся не проснуться. У психиатра наблюдался, таблетки пил. Мучился из-за постоян-

ных кошмаров, в которых раз за разом умирал, потому что в реальности обязанности проводника сопроводить заблудившуюся душу к границе миров отражаются именно так. Ему тоже было больно, плохо и страшно. И он знаком с демоном обиды дольше, чем я. Наверное, поэтому его забота и понимание настолько искренни — он жил с этим ужасом пять долгих лет. Даже больше, время-то на месте не стоит.

За окном уже давно рассвело, но в квартире царил полумрак — погода выдалась пасмурная, вот и темно. Я посмотрела на часы в телефоне и нисколько не удивилась, обнаружив, что уже перевалило за полдень. Тихонько сходила в ванную и приняла душ, слушая при этом одновременное вещание по двум незатыкающимся «каналам». Один из них монотонно бубнил о прелестях свободы, а второй критиковал своё собственное тело за едва заметный пока ещё животик, за синяки и ссадины, за слишком тощие ноги… Я хотела сказать сестре, что это её ноги и выглядят они со стороны именно так, но промолчала. Меня ведь просили молчать, да? Я и молчу. Нелестное мнение Алисы о пушистом махровом халате я тоже пропустила мимо ушей — вот вернётся в свою шкуру, тогда пусть и наряжается как хочет.

Когда вернулась из ванной, Сергей уже проснулся и ходил по комнате, разговаривая с кем-то по телефону. Из коротких фраз я поняла, что он снова заказывает еду, хотя у нас от вчерашнего заказа ещё осталось много — всё в холодильнике, нужно только разогреть.

— И не жалко потом будет это всё выбрасывать? — спросила, дождавшись окончания разговора. — Ты же говорил, что мы в магазин съездим за продуктами.

— А ты умеешь готовить? — услышала в ответ.

Не в бровь, а в глаз. Я видела, как готовит мама. Теоретически последовательность действий представляю, но все эти блюда раньше могла оценивать только по запаху, поскольку не имела возможности попробовать их на вкус. Алиска к плите за всю свою жизнь не подошла и десяти раз. Она может сварить яйца, но не умеет жарить яичницу. Может разогреть уже готовое в микроволновке, но ничего не готовит сама, потому что у неё всегда полно других важных дел. Да и питалась она в последние годы преимущественно овощами, фруктами и йогуртами, а после какой-нибудь вечеринки или похода в ресторан неделю потом взвешивалась, вздыхала и урезала калории. Вынужденная повсюду таскаться за ней, я, естественно, тоже мало чему научилась.

— Я могу попытаться, — призналась не слишком уверенно, зато честно.

Сергей посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом, и решил:

— Не нужно. У меня и посуды-то особенно нет для этого, потому что сам не готовлю. И у тебя салон, помнишь? Три месяца там не появлялась. Дел, наверное, накопилось невпроворот. У меня их точно сейчас выше крыши. Боюсь, как бы ночевать в офисе не пришлось.

— Один день что-то изменит? — спросила я.

— Нет, — ответил он.

— Значит, потратим его на приобретение всего необходимого для кухни. Я всегда хотела научиться готовить, но возможности такой не было. Теперь она есть, и ты не имеешь никакого морального права у меня её отнимать.

Воронцов скептически приподнял правую бровь. Справа от меня насмешливо фыркнула Алиса.

— Ну точно сон! — констатировала она. — Я даже знаю, что будет дальше. Сейчас этот гад предложит тебе нанять домработницу. У меня прямо дежавю по этому поводу. Он так уже говорил, когда я сказала, что готовить не умею и учиться этому не хочу.

— Ладно, — согласился Сергей. — Надеюсь, ты не взорвёшь здесь ничего и не попытаешься сжечь мою квартиру. Другого жилья у меня нет.

— Да он вообще мои же слова повторяет, но в качестве отсебятины! Плагиатор чёртов! — смеясь, заявила сестра.

— Не взорву и не сожгу, — пообещала я. — Можем начать с чего-нибудь примитивного вроде жареной картошки, если ты её почистишь и порежешь. Я нож в руках не держала ни разу.

— Хочешь жареную картошку? — спросил Воронцов и предложил: — Могу добавить в заказ.

— Нет, я сама хочу её пожарить, — возразила я. — На сале и с луком, как мама делала. В ресторане так не приго-

товят.

— Сало? — брезгливо переспросила Алиса. — Фу, ну у тебя и вкусы. Похоже, моё подсознание решило создать полную противоположность меня во всём. Одеваешься во что попало, ешь всё подряд… Как будто на помойке себя нашла.

— Ну пожалуйста… — протянула я умоляюще, потому что Сергей задумчиво молчал.

— Хорошо, — согласился он. — Будет тебе жареная картошка с салом и луком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.